

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
Факультет «Экстремальная психология»

IV научный форум с международным участием

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОМ МИРЕ

27 ноября 2025 года

РЕПОЗИТОРИЙ СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ

Москва
2025

Вагина Алёна Константиновна
МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия) студентка факультета психологии

Vagina Alyona Konstantinovna
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia) Student of the Faculty of Psychology
E-mail: vaginaak2005@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИКТИМНОСТИ У ЖЕНЩИН, ПОДВЕРГШИХСЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF VICTIMITY IN WOMEN EXPOSED TO DOMESTIC VIOLENCE

Аннотация: В данном теоретическом исследовании изучалось понятие виктимности и процесс виктимизации личности, среди женщин подвергшихся домашнему насилию. Исследование проводилось посредством теоретического обзора, анализа литературы и сбора информации по соответствующим исследованиям. В результате проделанной работы был сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения формирования виктимного поведения и проведения эмпирического исследования на основании данной работы.

Abstract: This theoretical study examined the concept of victimity and the process of victimization among women exposed to domestic violence. The research was conducted through a theoretical review, analysis of literature, and compilation of information from relevant studies. As a result of the work carried out, it was concluded that further study of the formation of victim behavior is necessary, and an empirical study should be conducted based on this work.

Ключевые слова: домашнее насилие, виктимность, цикл насилия, женщины-жертвы насилия, комплексное ПТСР, психологическая травма, система помощи жертвам.

K
e
y
w
o
r

Проблема домашнего насилия остается актуальной по сей день, не утратив своей важности, как в научном, так и в обыденной жизни. Если мы обратимся к статистике ВОЗ, то увидим, что процент женщин, сталкивающихся с домашним насилием, остается высоким. Это 736 млн. женщин по стране, в числе которых 640 млн., порядка 87%, столкнувшихся с агрессивными действиями со стороны партнера. Статистика говорит о том, что 95% мужчин, применяющих физическое насилие, будут использовать и психологическое насилие по отношению к жертве. Это дает нам понимание комплексной картины травмирующей для жертвы ситуации, где в ее сторону оказываются различного рода насильственные действия. Длительное пребывание в атмосфере постоянного психологического давления с применением физического насилия ведет к серьезному рода травматизации женщин, находящихся в этой ситуации.

В наиболее тяжелых случаях динамика насилия может достигать критической точки и завершающим этапом цикла становится летальный исход, либо для жертвы, либо для самого агрессора. Тогда, мы говорим о проблеме виктимизации личности, как об одной из острейших в современном обществе. Решение которой способно повысить общее благополучие не только среди женщин, но и в социуме в целом.

Поэтому так важны практические и экспериментальные работы которых, к сожалению, на данный момент не так много. Большинство Российских и Зарубежных работ направлены в большей степени на сбор фактических данных и теоретические обзоры. Подобного рода исследования, несомненно, важны, но тем не менее, не достаточны для разрешения проблемы виктимизации личности. В них объясняются и рассматриваются причины такого поведения, его возможные предикторы и описываются какие личности склонны становиться жертвами. Но они часто носят общий характер и недостаточно ориентированы на практическую профилактику виктимных паттернов.

Говоря о виктимности, мы подразумеваем психологическое определение этого слова. Виктимность как сложный и многогранный конструкт, характеризующийся не как статистическое и одноразовое явление, а как динамическое свойство личности. Как и любое свойство личности, в психологии, мы рассматриваем виктимность в виде результата воздействия на индивида внешних (социально обусловленных обстоятельств) и внутренних (глубоко личностных) факторов. При исследовании виктимности акцент смещается на дезадаптивные паттерны поведения.

Мы говорим о том, что эти паттерны формируются в результате травматического опыта, у людей которым свойственны следующие черты личности: низкая самооценка; конформность; ригидность мышления. Разные авторы могут приводить разные типы жертв в своих классификациях, но большинство из них отмечают у людей наличие у людей этих черт личности. Поэтому мы можем отнести их к внутренним факторам формирования виктимного поведения, а саму травмирующую ситуацию насилия—к внешним факторам. Вместе они формируют у личности виктимные паттерны поведения. Помимо этого, авторами отмечаются неблагоприятные семейные обстоятельства как один из факторов риска для виктимизации. Кроме этого, отмечаются следующие свойства личности: убежденность в собственной некомпетентности, что отчасти можно отнести к отмеченной выше личностной особенности, свойственной жертвам—низкой самооценке; размытость психологических границ.

В ответ травматическую стрессовую ситуацию жертвы часто прибегают к следующим защитным механизмам: отрицание, рационализация, изоляция эмоций. В одном из проанализированных нами исследований защитный механизм отрицания иллюстрируется особенно отчетливо (Кэри Симс; Дэниел Собра, Мередит Р. и др 2011)

При анализе отечественных и зарубежных работ мы приходим к выводу о том, что изучение виктимности в разных школах имеет как схожие, так и различающиеся черты.

В России виктимность изучается в рамках психологии личности, криминальной психологии и психологии девиантного поведения. При этом мы отмечаем, что в сравнении с зарубежными школами психологии, в Российских исследованиях делается акцент на личностных и криминальных аспектах виктимности. Виктимность рассматривается как личностная предрасположенность в сочетании с внешними факторами. Изначально направление виктимологии в принципе ориентировано на проблему виновности самой жертвы. Этот подход можно проследить в работах Л.В. Франка (1971 г). Существуют работы рассматривающие виктимность как социальную девиацию в рамках социально педагогической виктимологии. (А.В. Мудрик) Для этого направления характерно рассматривать жертву преступления в контексте закономерностей ее социального функционирования (К.В. Вишневский, С.Г. Войтенко) При всех достоинствах данного направления, где мы можем рассмотреть ситуацию с позиции невиновности жертвы в совершившемся преступлении, оно имеет ограниченность в следствие

узкого понимания виктимности как девиации. Так как социально одобряемые формы виктимной социализации и ситуации, в которых виктимное поведение будет выступать как адаптивное – а значит адекватное. Поэтому мы говорим о том, что авторы не учитывают всю специфику виктимного поведения.

В зарубежной психологии вопрос виктимизации личности в большей степени рассматривается через призму психологии травмы и социального контекста. Если отечественные исследования делают акцент на личностных и криминологических аспектах виктимности, то иностранные исследования обращаются к самой травме, вопросам гендерного неравенства и системным факторам. В работах зарубежных авторов мы встречаем рассмотрение влияния образа жизни и среды на формирование виктимного поведения. Так ряд исследований говорит о связи девиантного поведения с последующей виктимизацией личности, уровнем риска стать жертвой насилия (Х. Замковски и Де Камп; Дженсен и Бронфилд)

Также в ходе работы было проведено сравнение способов оказания помощи жертвам домашнего насилия. Мы делаем вывод о том, что в зарубежных странах программы помощи жертвам осуществляются более эффективно. В частности, вследствие большего опыта в проведения подобного рода программ поддержки. Такие программы стали осуществляться за рубежом значительно раньше и естественным образом иностранные специалисты имеют больший практический опыт в оказании психологической поддержки жертвам насилия. В отличие от России, где подобные программы стали появляться и развиваться относительно недавно. Как один из факторов большей успешности мы отмечаем наличие программ не только для самих жертв насилия, но и для агрессоров, что существенно снижает риск повторного вступления людей в цикл насилия. Работа также часто включает вовлеченность семьи и окружения. То есть программа помощи осуществляется в комплексном подходе. Во время оказания помощи используются программы EMDR и VIP. Другим важным отличительным аспектом является наличие образовательных программ, направленных на повышение осведомленности о правах, личных границах и здоровых отношениях.

На основании данного теоретического обзора в дальнейшем планируется проводить исследование. Оно будет основываться на собранных в ходе обзора отечественных и зарубежных источников, данных. Проводится оно будет стандартно в три этапа, включая в себя опросники, измеряющие конструкты виктимности, самооценки, тревожности, стили поведения и эмоционального

профиля. Полученные в ходе исследования данные будут статистически обработаны и проинтерпретированы.

Мы говорим о важности и актуальности подобного рода исследований, в виду малого количества экспериментальной и эмпирической базы в области изучения формирования виктимных паттернов поведения.

В итоге работы теоретический анализ позволяет нам подтверждать гипотезу исследования, о том, что отечественные и зарубежные исследования виктимности у женщин, подвергшихся домашнему насилию, будут подтверждать, что женщины, подвергшиеся домашнему насилию, имеют более высокий уровень тревожности и депрессии по сравнению с женщинами, пережившими насилие вне семьи.

Такой вывод мы делаем исходя из условий травматизации и особенностей последующей травмы. Когда мы анализируем домашнее насилие как травмирующую ситуацию, мы говорим о длительном характере данной ситуации, ее тоталитарном стиле—то есть, условии когда жертва не имеет выбора и обязана подчиняться агрессору. Если мы обратимся к статистике, будет видно, что порядка 95% случаев домашнего насилия сопровождается финансовым насилием, когда создаются условия, в которых жертва финансово зависит от агрессора и не может вырваться из ситуации насилия. Помимо экономических сложностей, существует психологическая сложность выхода из цикла насилия, которая подробно разбирается и описывается в модели цикла насилия (Л. Уолкер 1984)

Помимо этого, как фактор мы отмечаем характер самой травмы женщин, переживших домашнее насилие. У них формируется комплексный ПТСР, понятие введенное Джудит Герман, как необходимое расширение обычного ПТСР. Отличается он тем насколько сильно он затрагивает все сферы деятельности жертвы, включая аффективные реакции, семантику и Я-образ. Также затрагивается системно-смысловая сторона личности жертвы, что говорит о глубине характера травматизации.

В заключении мы говорим, что эффективная помощь жертвам невозможна без параллельной работы с агрессорами, направленной на разрывание цикла насилия. Проблема домашнего насилия и виктимизации женщин будет оставаться такой же острой, пока мы не начнем применять комплексный подход для ее решения. Поэтому так важно для современной науки продолжать наращивать эмпирический опыт, писать обзорные, теоретические статьи. Тем самым, освещая проблему не только для научного сообщества, но

и для общества в целом, оставаясь практикоориентированной и отвечающей на современные вызовы наукой.

Список литературы:

- градская Ю.В. Женщина как объект домашнего насилия: гендерные аспекты. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2010.
- алкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. – М.: Эксмо, 2006. – 864 с.
- оминых Е.С. Виктимность как девиация на уровне психологии личности и социальной общности // Актуальные проблемы психологии личности: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 144–148.
- оминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Концепт. – 2014. – № 05.
- arrie Sims, Daniel Sabra, Meredith R. Bergey и др. Detecting Intimate Partner Violence: More Than Trauma Team Education Is Needed Journal of the American College of Surgeons 2011
6. Cantyo A. Dannisworo, Esther S. Kluwer, Ximena B. Arriaga, Ruddy Faure, Yannick Grieg, Johan C. Karremans Do Victims and Perpetrators Justify Intimate Partner Violence Even While They See It Happening in Front of Their Eyes?
7. Goodman-Williams R., Ullman S.E. Posttraumatic stress disorder and measurement invariance in a sample of sexual assault survivors: Are symptom clusters stable over time? // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy
- o 8. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems (ICD-10) [Электронный ресурс]. National Center for Health Statistics. 1200 p. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/icd/icd10cm.htm>
- с
- у
- .
1. Gradskova, Yu.V. Zhenshchina kak ob'ekt domashnego nasiliya: gendernye aspekty [Woman as an Object of Domestic Violence: Gender Aspects]. – M.: Moscow State University, 2010.
2. Malkina-Pykh, I.G. Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy [Victimology. The Psychology of Victim Behavior]. – M.: Eksmo, 2006. – 864 p.
3. Fominykh, E.S. Viktimnost' kak deviatsiya na urovne psikhologii lichnosti i sootsial'noy obshchnosti [Victimhood as a Deviation at the Level of Individual and Social Group Psychology]. In Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti: materialy mezhregion. zaochnoy nauch.-prakt. konf. [Current Problems of Personality Psychology: Proceedings of the Interregional Correspondence Scientific-Practical Conference]. – Novosibirsk, 2009. – P. 144–148.
4. Fominykh, E.S. Psikhologicheskie mekhanizmy viktimnosti [Psychological Mechanisms of Victimization].

5. Sims, C., Sabra, D., Bergey, M.R., et al. Detecting Intimate Partner Violence: More Than Trauma Team Education Is Needed. *Journal of the American College of Surgeons*, 2011.
6. Cantyo, A.D., Kluwer, E.S., Arriaga, X.B., Faure, R., Grieg, Y., Karremans, J.C. Do Victims and Perpetrators Justify Intimate Partner Violence Even While They See It Happening in Front of Their Eyes?
7. Goodman-Williams, R., & Ullman, S.E. Posttraumatic stress disorder and measurement invariance in a sample of sexual assault survivors: Are symptom clusters stable over time? *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*, 2020, 12(4), 389-396. DOI: 10.1037/tra0000509
8. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems (ICD-10) [Electronic resource]. National Center for...

Гладышева Кристина Вадимовна,

Педагог-психолог, Краевое государственное автономное учреждение дополнительного образования «Камчатский психолого-педагогический центр системы образования»

Gladysheva Kristina Vadimovna,

Educational psychologist, Regional State Autonomous Institution of Additional Education "Kamchatka Psychological and Pedagogical Center of the Education System"

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ К КРИЗИСНЫМ СИТУАЦИЯМ

DEVELOPMENT OF PERSONAL QUALITIES OF ADOLESCENTS AS A FACTOR IN RESISTANCE TO CRISIS SITUATIONS

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы подросткового развития, распространенности девиантного поведения в этот период, необходимости развития активной жизненной позиции и личностного потенциала подростка. Обоснована важность проведения профилактической работы с целью повышения устойчивости учащихся к кризисным ситуациям за счет проведения тренинговой работы в образовательных учреждениях.

Abstract. The article examines issues of adolescent development, the prevalence of deviant behavior during this period, the need to develop an active life position and the personal potential of a teenager. The importance of conducting preventive work in order to increase the resilience of students to crisis situations through training in educational institutions is substantiated.

Ключевые слова: кризис, подростковый возраст, девиантное поведение, здоровый образ жизни, тренинг, личностное развитие.

Keywords: crisis, teens, deviant behavior, healthy lifestyle, training, personal development.

В современном мире подростку, находящемуся на этапе активного формирования устойчивой системы ценностей, выработки новых паттернов поведения, все чаще приходится сталкиваться с необходимостью развития способности справляться с жизненными трудностями. При этом данный процесс связан не только с возрастными особенностями развития этого периода, но и с усложнившейся социально-экономической ситуацией в стране.

Кроме того, в своей жизни каждый человек стремится приобрести и отстоять свою социальную идентичность, для подростка эта задача смыслообразующая. В это время наблюдается повышенная рефлексия, самокритика, изменение паттернов поведения и привычек [2]. Следствии этого, на фоне снижения способности к противостоянию трудным ситуациям

у подростков зачастую проявляется девиантное поведения как вариант копинг-стратегии [2].

При этом развитие личностного потенциала личности, таких качеств как эмоциональная устойчивость, адекватная самооценка, а также повышение уровня рефлексии и формирование установок к здоровому образу жизни могут способствовать сопротивляемости подростков к кризисным ситуациям.

Многие исследований подтверждают связь между развитием личностных качеств и способностью подростков преодолевать кризисные ситуации. Так, в эксперименте О.В. Кудашкиной психологическая тренировка способствовала снижению эмоциональной возбудимости и повышению самоконтроля у подростков в стрессовых моментах [3]. В свою очередь, Н.В. Быстрова выявила, что высокий уровень жизнестойкости коррелирует с более благоприятными межличностными отношениями и уменьшением вероятности возникновения конфликтов [1].

Проанализировав исследования, направленные на определения необходимых качеств для позитивного преодоления кризисов в подростковом возрасте, мы пришли к выводу, что их можно условно разделить на несколько групп [1-4]:

1. Эмоциональная устойчивость.
2. «Позитивная» самооценка и образ «Я».
3. Морально нравственная устойчивость.
4. Рефлексия.
5. Высокие коммуникативные навыки.

Также считаем важным подчеркнуть, что формирование личности подростка неразрывно связано с его окружением: Семья, образовательная среда и круг общения являются пространством, где подросток учится контролировать свои чувства, делать выбор и взаимодействовать с другими. Исследования показывают, что благоприятная образовательная среда играет важную роль в формировании психологической устойчивости, жизненных целей и чувства ответственности [4]. Для этого эффективны психологические тренинги, групповая работа и программы нравственного воспитания. Важен также опыт преодоления трудностей, полученный в безопасной обстановке, который укрепляет уверенность в себе и учит справляться со стрессом [4]. А.М. Урусова выявил взаимосвязь между саморегуляцией, самооценкой и показателями стрессоустойчивости – подростки с более развитой саморегуляцией и более высокой самооценкой проявляют более адаптивные реакции в кризисных ситуациях [5].

В связи с этим мы предполагаем, что одним из перспективных направлений профилактики подростковых аддикций и повышения устойчивости к кризисным ситуациям может выступать тренинговая работа, нацеленная на становление активной жизненной позиции, поддержание физического и психологического здоровья, а также развитие личностного потенциала, коммуникативных навыков и организаторских способностей.

Рассмотрим технологии, алгоритмы и основные этапы проведения профилактической работы с подростками в форме тренинга в КГАУ

«Камчатский центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции», а именно дополнительной общеразвивающей программы психолого-педагогической направленности «Социально-психологическое тестирование: не бойся быть собой!».

Актуальность данной работы обусловлена тем, что профилактика риска девиантного поведения становится важным аспектом работы участников образовательных отношений. Действенным инструментом, создающим основу эффективности профилактики, выступает социально-психологическое тестирование обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях.

Цель разработанной нами программы является развитие личностного потенциала участников, внутригрупповых процессов для успешной социализации, развитие активной жизненной позиции и повышение устойчивости к кризисным факторам.

Научными, методологическими, методическими и теоретическими основания программы выступают:

1. Исследования в области общей психологии и психологии личности (Ю.К. Бабанский, Л.С. Выготский, Н.К. Гончарова, А.В. Занков, Я.А Каменский, В.А. Крутецкий, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Ушинский, Т.Н. Шамова, И.С. Якиманский);
2. Исследования в области возрастной психологии (Д.И. Водзинский, К.В. Гавриловец, В.Я. Гамезо, Ф.И.Иващенко, И.И. Казимирская, Я.Л. Коломенский, Н.В. Кухарев);
3. Исследования в области психопрофилактики и реабилитации лиц с аддиктивным расстройством (В.В. Барцалкина, С.В. Березин, В.С. Битенский, Е.А. Брюн, Ю.В. Валентик, Н.Н. Иванец, Б.Д. Карвасарский, Ц.П. Короленко, Е.А. Кошкина, К.С. Лисецкий, В.Д. Москаленко, Г.И. Петракова, Н.С. Сироты, В.М. Ялтонский, И.Н. Пятницкая).

Программа, реализуемая на базе КГАУ ДО «Камчатский психолого-педагогический центр системы образования», является образовательной (просветительской) психолого-педагогической, обеспечивающей повышение уровня психологической культуры и психологической компетентности обучающихся.

Форма работы с несовершеннолетними осуществляется через групповые занятия с использованием методов активного социально-психологического обучения.

Контроль за реализацией программы осуществляется педагогом-психологом, проводящим профилактическую работу. Кроме того, по завершению групповых занятий производится оценка результатов посредством тестирования.

Программа состоит из двух основных модулей:

1. Групповая работа, включающая в себя 5 занятий и адресованная несовершеннолетним, с целью развития лидерских качеств и овладения ораторским мастерством.

2. Групповая работа, включающая в себя 3 занятия, направленных на формирование положительной мотивации к участию в социально-психологическом тестировании и повышению культуры здорового и безопасного образа жизни среди подростков.

Программу реализуют обучающиеся, имеющие опыт прохождения процедуры социально-психологического тестирования (желательно, состоящие в общественных организациях) под руководством педагога-психолога, классного руководителя или социального педагога.

Ожидаемые результаты реализации программы

1. формирование положительной мотивации к участию в социально-психологическом тестировании;
2. повышение эффективности формирования и распространения культуры здорового и безопасного образа жизни среди подростков;
3. развитие ценностного отношения к собственному здоровью.

Эффективность проведения программы оценивается посредством тестирования несовершеннолетних до и после участие в групповой работе. В инструментарий включены такие методики как:

1. Тест «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий);
2. Методика «Коммуникативные и организаторские склонности» (В.В. Синявский, Б.А. Федоришин);
3. Экспресс-тест «Самооценка лидерства»

Ожидаемыми результатами реализации разработанной нами программы является развитие личностных качества подростков, формирование позитивного отношения к здоровому образу жизни и, как следствие, повышение устойчивости к кризисным ситуациям.

Таким образом, развитие личностных качеств подростков выступает важным условием их устойчивости к кризисным ситуациям. Устойчивость в эмоциональном и моральном плане, самоопределение и самоанализ не просто уменьшают отрицательное влияние кризисов, но и превращают их в источник прогресса личности. Для успешного предупреждения дезадаптации необходимо скоординированное взаимодействие семьи, образовательных учреждений и профессионалов: от внедрения психологических занятий до развития системы ценностей и создания атмосферы поддержки.

Работа по повышению устойчивости подростков к кризисным ситуациям в рамках реализации разработанной нами программы является масштабной, разнонаправленной, длительной и системной. В процессе работы с несовершеннолетними специалисты учитывают их индивидуально-психологические особенности, возможности и ресурсы, социально-культурные интересы и потребности, ориентируются на динамику их общего состояния, а также возможности в дальнейшем вести полноценную жизнь.

Перспективы работы в контексте оказания кризисной помощи подросткам заключаются в совершенствовании апробированных технологий работы, внедрении новых форм и методов поддержки несовершеннолетних,

организации системной деятельности по данному направлению с привлечением образовательных учреждений.

Список литературы:

1. Быстрова Н.В. Влияние уровня жизнестойкости подростков на степень выраженности личностных качеств // МНИЖ. 2021. №8-2.
2. Голубков Г.В. Причины возникновения кризиса в подростковом возрасте / Г.В. Голубков, Я.А. Лычагина // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5. С. 327-331.
3. Кудашкина О.В. Развитие эмоциональной устойчивости подростков средствами психологического тренинга // КПЖ. 2022. №5.
4. Марченко И. С. Развитие психологической устойчивости подростков к кризисным ситуациям в образовательном пространстве школы // Педагогикалық ғылым және практика. Педагогическая наука и практика. 2022. №1.
5. Урусова А.М. Психологические особенности подростков и стрессоустойчивость // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. №5.

References:

1. Bystrova N.V. The influence of the level of resilience of adolescents on the degree of expression of personal qualities // MNIZH. 2021. No. 8-2.
2. Golubkov G.V. Causes of the crisis in adolescence / G.V. Golubkov, Ya.A. Lychagina // Skif. Issues of student science. 2019. No. 5. P. 327-331.
3. Kudashkina O.V. Development of emotional stability of adolescents by means of psychological training // KPZh. 2022. No. 5.
4. Marchenko I. S. Development of psychological resilience of adolescents to crisis situations in the educational space of the school // Pedagogical science and practice. Pedagogical science and practice. 2022. No. 1.
5. Urusova A.M. Psychological characteristics of adolescents and stress resistance // Scientific notes of Lesgaft University. 2022. No. 5.

Еремина Ольга Александровна,
студентка 2 курса магистратуры, программа
«Экстренная психологическая помощь детям и
родителям в системе образования», ФГБОУ
ВО МГППУ

e-mail: er.olia1801@gmail.com

Eremina Olga Aleksandrovna,
2nd-year Master's student, Emergency
Psychological Assistance for Children and Parents
in the Educational System program
Moscow State University of Psychology &
Education (MSUPE), Moscow, Russia

ЛИЧНОСТНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУИЦИДАЛЬНЫХ СКЛОННОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

GENDER PECULIARITIES OF PERSONAL AND FAMILY DETERMINANTS OF SUICIDAL TENDENCIES IN ADOLESCENCE

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление гендерной специфики проявления личностных и семейных факторов суицидальных склонностей в юношеском возрасте. Выборку составили учащиеся 10-11 классов ($N=36$, 18 девушек и 18 юношей, $M=16,5$ лет). Использовался диагностический комплекс: Опросник суицидального риска (OCP), «Пятифакторный опросник личности» (5FPQ), «Индекс жизненного стиля» (LSI) и методика «Анализ семейного воспитания» (Эйдемиллер, Юстицкис). Статистический анализ проводился с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты показали, что для юношей характерна связь суицидального риска с высоким нейротизмом, социальным пессимизмом и авторитарным стилем семейного воспитания. Для девушек значимыми предикторами выступают максимализм, слом культурных барьеров и эмоциональное отвержение в семье. Полученные данные подчеркивают необходимость применения дифференцированного подхода при разработке системных профилактических программ.

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the gender-specific manifestation of personal and family factors of suicidal tendencies in adolescence. The sample consisted of 10th-11th grade students ($N=36$, 18 girls and 18 boys, $M=16.5$ years). A diagnostic battery was used: the Suicidal Risk Questionnaire (SRQ), the Five-Factor Personality Questionnaire (5FPQ), the Life Style Index (LSI), and the Analysis of Family Uprhrining method (Eidemiller, Yustitskis). Statistical analysis was performed using the Mann-Whitney U test. The results showed that for boys, suicidal risk is associated with high neuroticism, social pessimism, and an authoritarian style of

family upbringing. For girls, significant predictors are maximalism, the breakdown of cultural barriers, and emotional rejection in the family. The obtained data emphasize the need for a differentiated approach when developing systemic prevention programs.

Ключевые слова: суицидальные склонности, юношеский возраст, гендерные различия, личностные детерминанты, семейные факторы, нейротизм, стиль семейного воспитания, профилактика.

Keywords: suicidal tendencies, adolescence, gender differences, personal determinants, family factors, neuroticism, family education style, prevention.

Введение

Актуальность исследования суицидальных склонностей в юношеском возрасте обусловлена высокой распространностью данного явления и его включенностью в число ведущих причин смертности в данной возрастной группе [13, 30]. Современные исследования подчеркивают комплексный характер проблемы, выделяя в качестве ключевых детерминант личностные особенности и семейную среду [20, 44]. Однако вопрос о гендерной специфике взаимосвязи действия этих факторов остается недостаточно изученным. Юношеский возраст, характеризующийся повышенной эмоциональной уязвимостью и поиском идентичности, является критическим периодом для формирования суицидального риска [9, 36]. Целью данного исследования стало выявление гендерно-специфичных личностных и семейных предикторов суицидальных склонностей.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 36 учащихся 10-11 классов (18 девушек и 18 юношей, средний возраст 16,5 лет) ГБОУ Школы №717 г. Москвы. Использовался следующий диагностический комплекс:

1. Опросник суицидального риска (ОСР) Т.Н. Разуваевой.
2. Пятифакторный опросник личности (5PFQ) в адаптации А.Б. Хромова.
3. Опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика в адаптации.
4. Методика «Анализ семейного воспитания» (ACB) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса.

Для статистической обработки данных применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Эмпирические данные выявили следующие статистически значимые гендерные различия ($p<0,05$):

-по личностным особенностям: у юношей обнаружены более высокие показатели по шкале нейротизма (51,61 против 48,28 у девушек) и общему уровню невротизации (0,52 против 0,42)% для девушек характерны более высокие показатели по открытости опыту (51,44 против 45,17).

-По суицидальным склонностям выявлена гендерная специфичность: у юношей выше показатели по шкалам аффективности (1,52) и социального пессимизма (1,10), что отражает депрессивный фон и чувство безысходности; у девушек выше показатели по шкалам максимализма (2,51) и слома культурных барьеров (0,54), что свидетельствует о склонности к импульсивным, протестным реакциям.

-По семейным факторам: выявлена значимая связь суицидальных склонностей с различными стилями воспитания. Для юношей ключевым фактором риска выступает авторитарный стиль воспитания (β -, $p=0,03$), характеризующийся жестким контролем и подавлением самостоятельности. Для девушек значимым предиктором является эмоциональное отвержение (β -, $p=0,02$) со стороны родителей.

Выводы

1. Подтверждена гипотеза о наличии гендерной специфики в структуре личностных и семейных детерминант суицидальных склонностей в юношеском возрасте.

2. Для юношей группу риска составляют эмоционально неустойчивые личности с пессимистичным мировоззрением, воспитывающиеся в условиях авторитарного контроля и дефицита эмоциональной поддержки.

3. Для девушек группу риска составляют личности с чертами максимализма и отрицанием норм, воспитывающиеся в условиях эмоционального отвержения.

4. Полученные результаты указывают на необходимость разработки дифференцированных (с учетом гендерного фактора) программ психологического сопровождения и профилактики суицидального поведения в образовательной среде.

Список литературы:

1. Банников Г. С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи / Г. С. Банников, Т. С. Павлова // Психологическая наука и образование. — 2013. — № 4. — URL: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Pavlova_Bannikov.phtml (дата обращения: 29.10.2024).
2. Холмогорова А. Б. Семейные факторы суицидального поведения у подростков: роль эмоциональной депривации / А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян // Психиатрия. — 2019. — № 4 (82). — С. 32–40. — DOI: 10.30629/2618-6667-2019-82-4-32-40.
3. Cash S. J. Epidemiology of youth suicide and suicidal behavior / S. J. Cash, J. A. Bridge // Current Opinion in Pediatrics. — 2009. — Vol. 21 (5). — P. 613–619.
4. Wang M. T. Parenting Styles and Adolescent Suicide Risk / M. T. Wang, J. S. Eccles, S. Kenny [et al.]. — Oxford : Elsevier, 2022. — 176 p.
5. Giletta M. Emotional Reactivity and Suicide Risk in Adolescents / M. Giletta, P. D. Hastings, M. J. Prinstein [et al.]. — Amsterdam : Elsevier, 2020. — 178 p.

References:

1. Bannikov G. S., Pavlova T. S. Sovremennye teorii suitsidal'nogo povedeniia podrostkov i molodezhi [Modern theories of suicidal behavior in adolescents and young people]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2013, no. 4. Available at: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Pavlova_Bannikov.phtml (accessed 29.10.2024). (In Russ.).
2. Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Semeinye faktory suitsidal'nogo povedeniia u podrostkov: rol' emotSIONAL'NOI deprivatsii [Family factors of suicidal behavior in adolescents: the role of emotional deprivation]. Psikiatriia [Psychiatry], 2019, no. 4 (82), pp. 32–40. DOI: 10.30629/2618-6667-2019-82-4-32-40. (In Russ.).
3. Cash S. J., Bridge J. A. Epidemiology of youth suicide and suicidal behavior. Current Opinion in Pediatrics, 2009, vol. 21 (5), pp. 613–619.
4. Wang M. T., Eccles J. S., Kenny S., et al. Parenting Styles and Adolescent Suicide Risk. Oxford, Elsevier, 2022. 176 p.
5. Giletta M., Hastings P. D., Prinstein M. J., et al. Emotional Reactivity and Suicide Risk in Adolescents. Amsterdam, Elsevier, 2020. 178 p.

Кириенко Алина Александровна,
МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия) студентка факультета
психологии
e-mail: kirienkoaa@my.msu.ru
Kirienko Alina Aleksandrovna,
Academy of psychology and pedagogy
(Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia) student of the Faculty of
Psychology

ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА И ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ НА ОТНОШЕНИЕ К ЭКСТРЕМИСТСКИМ ИДЕЯМ

GROUP DYNAMICS AND THE INFLUENCE OF YOUTH COMMUNITIES ON ATTITUDES TOWARDS EXTREMIST IDEAS

Аннотация. В данном теоретическом исследовании анализируется групповая динамика и влияние молодежных сообществ на отношение к экстремистским идеям. Исследование проводилось на основе теоретического обзора и анализа научной литературы по проблеме. В результате работы выявлены ключевые механизмы группового влияния (конформность, групповая поляризация, социальная идентификация) и определены факторы, способствующие как формированию устойчивости к экстремизму, так и радикализации молодежи. Сделан вывод о необходимости развития конструктивных молодежных сообществ и перспективах дальнейшего эмпирического исследования данной проблематики

Abstract. This theoretical research analyzes group dynamics and the influence of youth communities on attitudes towards extremist ideas. The study was conducted based on a theoretical review and analysis of scientific literature on the problem. As a result of the work, key mechanisms of group influence (conformity, group polarization, social identification) were identified, and factors contributing to both the formation of resilience to extremism and the radicalization of youth were determined. The conclusion was made about the necessity of developing constructive youth communities and the prospects for further empirical research on this issue.

Ключевые слова: групповая динамика, молодежные сообщества, экстремистские идеи, конформность, групповая поляризация, радикализация, профилактика экстремизма.

Keywords: group dynamics, youth communities, extremist ideas, conformity, group polarization, radicalization, extremism prevention.

Проблема экстремизма и его проявлений в современном обществе является одной из наиболее актуальных в социально-психологическом

контексте. Экстремистские взгляды и высказывания представляют угрозу общественной стабильности, могут способствовать росту напряженности в социуме и формированию радикальных убеждений у молодежи. В условиях цифровизации информационного пространства экстремистские идеи получают все больше возможностей для распространения, особенно среди молодых людей, которые активно взаимодействуют с социальными сетями и интернет-контентом.

Групповая динамика и влияние молодежных сообществ играют решающую роль в формировании отношения к экстремистским идеям, поскольку молодые люди особенно восприимчивы к мнению окружающих и стремятся к социальной идентификации. В молодежных группах формируются ценности, убеждения и модели поведения, а также происходят процессы социализации, которые могут как способствовать осуждению экстремизма, так и, напротив, подталкивать к радикализации.

Одним из ключевых механизмов группового влияния является конформность – склонность индивида принимать мнение большинства в группе, даже если оно противоречит его первоначальным взглядам. Молодые люди часто адаптируют свои убеждения под нормы той социальной среды, в которой они находятся, стремясь избежать осуждения и быть принятыми. Если в молодежном сообществе преобладают ценности толерантности, конструктивного диалога и критического мышления, его члены, как правило, вырабатывают негативное отношение к экстремизму. Однако если группа придерживается радикальных взглядов, участники могут постепенно усваивать экстремистские идеи, особенно если они подкрепляются авторитетными лидерами.

Роль лидеров мнений в молодежных сообществах особенно велика, так как молодые люди склонны ориентироваться на более авторитетных и харизматичных представителей своей среды. Это могут быть неформальные лидеры среди сверстников, блогеры, активисты или идеологи, способные формировать у аудитории определенные установки и поведенческие модели. В группах, где лидер выступает за мирные способы решения конфликтов и конструктивное обсуждение проблем, вероятность распространения экстремистских идей минимальна. Однако в радикальных сообществах лидеры могут использовать влияние для пропаганды экстремистских взглядов, что делает их последователей более восприимчивыми к радикализации.

Эффект групповой поляризации является еще одним важным аспектом групповой динамики. Когда люди с похожими взглядами собираются вместе и обсуждают определенную проблему, их убеждения могут становиться более радикальными. В закрытых молодежных группах, особенно в интернете, участники часто усиливают друг другу экстремистские настроения, так как не сталкиваются с альтернативными мнениями. Это создает эффект «информационного пузыря», в котором радикальные идеи воспринимаются как единственно верные, а несогласные точки зрения игнорируются или подавляются.

Механизм социальной идентификации также играет важную роль в отношении молодежи к экстремизму. Подростки и молодые люди стремятся к

принадлежности к группе, которая дает им ощущение значимости и идентичности. В конструктивных сообществах, таких как спортивные секции, волонтерские организации, творческие коллективы и научные клубы, молодежь получает возможность самореализации в позитивном ключе. Однако если человек чувствует себя изолированным, он может искать признания в радикальных группах, которые предлагают чувство общности, миссии и борьбы за «справедливость».

Таким образом, групповая динамика и влияние молодежных сообществ определяют восприятие экстремистских идей в значительной степени. Социальные группы могут формировать как устойчивость к радикальным взглядам, так и способствовать их распространению в зависимости от структуры взаимодействия, авторитета лидеров, характера обсуждений и уровня открытости к различным точкам зрения. Важным направлением профилактики экстремизма среди молодежи является развитие конструктивных сообществ, основанных на критическом мышлении, уважении к различным мнениям и позитивной социальной активности.

Список литературы:

1. Алексеев А. Ю. Экстремизм в молодежной среде: причины, механизмы и профилактика // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3. – С. 45–58.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 376 с.
3. Бабосов Е. М. Социальные конфликты и экстремизм. – Минск: Академия управления, 2020. – 289 с.
4. Волков Ю. Г. Экстремизм в молодежной среде // Общественные науки и современность. – 2021. – № 2. – С. 37–51.
5. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб.: Питер, 2020. – 416 с.
6. Морозов В. В. Молодежная политика и противодействие экстремизму // Государственное управление. – 2022. – № 6. – С. 55–67.
7. Платонов Ю. П. Экстремизм как феномен // Социальная психология. – 2021. – № 4. – С. 12–29.

References:

1. Alekseev, A. Yu. (2021). Ekstremizm v molodezhnoi srede: prichiny, mekhanizmy i profilaktika [Extremism in the Youth Environment: Causes, Mechanisms and Prevention]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 3, 45–58.
2. Andreeva, G. M. (2019). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
3. Babosov, E. M. (2020). *Sotsial'nye konflikty i ekstremizm* [Social Conflicts and Extremism]. Minsk: Akademiya upravleniya.
4. Volkov, Yu. G. (2021). Ekstremizm v molodezhnoi srede [Extremism in the Youth Environment]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, 37–51.

5. Zimbardo, F., & Leippe, M. (2020). *Sotsial'noe vliyanie* [Social Influence]. Saint Petersburg: Piter.
6. Morozov, V. V. (2022). Molodezhnaya politika i protivodeistvie ekstremizmu [Youth Policy and Countering Extremism]. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 6, 55–67.
7. Platonov, Yu. P. (2021). Ekstremizm kak fenomen [Extremism as a Phenomenon]. *Sotsial'naya psichologiya*, 4, 12–29.

Лодыгина Анжела Ивановна,
ФГБОУ ВО «Московский
государственный
психолого-педагогический
университет»,
магистрант факультета
“Экстремальная психология”,
e-mail: Lodygina.anzhela.77@mail.ru

Lodygina Anzhela Ivanovna,
FGBOU VO “Moscow State University
of Psychology and Education”,
master’s student of the Department of
“Extreme Psychology”,
e-mail: Lodygina.anzhela.77@mail.ru

Особенности коммуникативного взаимодействия и толерантности подростков (14-15 лет) в городской и сельской среде в условиях современных социальных изменений

Features of communicative interaction and tolerance of adolescents (14-15 years old) in urban and rural environments in the context of modern social changes

Аннотация.

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей коммуникативного взаимодействия и коммуникативной толерантности подростков (14-15 лет) в городской и сельской среде в условиях современных социальных изменений. Коммуникация рассматривается как фундаментальный аспект социализации. Теоретический анализ (Б.Ф.Ломов, А.Н.Леонтьев, М.И.Лисина, Г.М. Андреева, И.В.Дубровина) выделил ключевые компоненты коммуникативных навыков и показал, что сельская среда характеризуется коллективизмом и плотностью связей, тогда как городская — индивидуализмом.

Исследование выявило статистически значимые различия по индексу толерантности: подростки сельских школ продемонстрировали значительно более высокие показатели толерантности, чем их городские сверстники. Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что условия малых сообществ и высокая плотность социальных связей в сельской среде способствуют формированию более высокого уровня коммуникативной толерантности как механизма поддержания гармоничных отношений в замкнутой группе.

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of the features of communicative interaction and communicative tolerance of adolescents (14-15 years old) in the urban and rural environment in the conditions of modern social changes... Communication is seen as a fundamental aspect of socialization. Theoretical analysis (B.F.Lomov, M.I.Leontiev, M.I. Lisina, G.M.Andreeva, I.V.Dubrovina) identified the key components of communication skills and showed that the rural environment is characterized by collectivism and density of connections, while the urban - individualism...

The study revealed statistically significant differences in the tolerance index: adolescents in rural schools showed significantly higher tolerance rates than their urban peers. These results support the hypothesis that the conditions of small communities and the high density of social ties in rural environments contribute to the formation of a higher level of communicative tolerance as a mechanism for maintaining harmonious relations in a closed group.

Ключевые слова: подростки, коммуникативное взаимодействие, коммуникативная толерантность, социализация, городская среда, сельская среда, социальные навыки, индивидуализм, коллективизм.

Keywords: teenagers, communicative interaction, communicative tolerance, socialization, urban environment, rural environment, social skills, individualism, collectivism.

Введение

В современном мире, характеризующемся высокой динамикой социальных, технологических и экономических изменений, вопросы адаптации и эффективного социального взаимодействия становятся особенно актуальными для подростков. Эпоха глобализации и цифровизации создаёт новые условия, которые можно охарактеризовать как «экстремальные». В этом контексте коммуникация выступает как фундаментальный аспект личностного развития, формирования социальной идентичности и психологического благополучия.

Литературный обзор (Literature Review)

В отечественной психологической традиции коммуникативное взаимодействие неразрывно связано с деятельностью. Классики психологии, такие как Б.Ф. Ломов и А.Н. Леонтьев, рассматривали коммуникацию не просто как обмен информацией, а как особый вид деятельности со своими мотивами, целями и результатами, а также как необходимое условие для становления личности. М.И. Лисина углубила это понимание, выделив две основные функции подростковой коммуникации: формирование совместной деятельности и построение межличностных отношений.

Именно в подростковом возрасте доминирующей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками. Через этот процесс подростки получают возможность критически оценить себя (свои поступки, достоинства и недостатки) в сравнении с общепринятыми этическими и социальными нормами, что, в свою очередь, является решающим фактором для эффективной межличностной коммуникации.

Современная психология активно изучает проблематику коммуникативного взаимодействия, социальных навыков и толерантности подростков (Г.М. Андреева, И.В.Дубровина, Э. Эриксон и др.). В этих исследованиях коммуникация рассматривается как мощный регулятор социальной деятельности.

Различные исследователи предлагают свои трактовки ключевых понятий:

Г.М. Андреева определяет коммуникативное взаимодействие как систему, включающую три взаимосвязанных аспекта: информационный (коммуникативный), поведенческий (интерактивный — обмен действиями) и познавательный (перцептивный — восприятие партнера) [1].

Г.У. Солдатова трактует коммуникативную толерантность как формирующуюся в процессе социального становления качество, позволяющее человеку принимать различия и избегать дискrimинации [3].

И.В. Дубровина рассматривает их через призму самовосприятия — как уверенность человека в своей способности к эффективному межличностному взаимодействию и преодолению барьеров [4].

Л.В. Черенецкая выделяет три ключевых элемента в развитии коммуникативных навыков подростка, которые определяют психологические условия для качественных изменений (эмоциональных, когнитивных и поведенческих) [9]:

1. Область желания (мотивация): потребность в общении, определяющая стремление подростка к контакту. Её дефицит неизбежно ведет к коммуникативным проблемам.

2. Область знания (когнитивный компонент): владение социальными нормами и знаниями, необходимыми для построения конструктивного диалога. Формируется с детства в общении со взрослыми и закрепляется в опыте взаимодействия со сверстниками.

3. Область умения (поведенческий компонент): способность применять знания на практике: аргументировать позицию, доброжелательно адресовать сообщения, уметь слушать и сопереживать, разрешать конфликты.

Таким образом, коммуникативное взаимодействие предполагает способность подростка к согласованию своих стремлений к личным достижениям с "социальным правом" других, что и является основой личностного поведения в социуме. Это формирует адекватные коммуникативные стратегии, необходимые для успешной социализации.

В контексте обозначенных теоретических подходов особую актуальность приобретает изучение коммуникативного взаимодействия в разных социальных средах. В России наблюдаются значительные различия в

условиях жизни в городе и на селе, что неизбежно влияет на психологическое развитие подростков. В то время как городские подростки имеют широкий доступ к образовательным и культурным ресурсам, а также к разнообразному кругу общения, их сельские сверстники зачастую сталкиваются с ограниченным количеством социальных контактов и меньшим разнообразием досуговой деятельности.

В связи с этим существует явный пробел в научной литературе. Несмотря на множество работ, посвящённых подростковой психологии в целом, к настоящему времени нет целостных, сравнительных исследований, которые бы комплексно анализировали и сопоставляли особенности коммуникативного взаимодействия подростков, проживающих в разных типах населённых пунктов. Понимание специфики формирования коммуникативных навыков в условиях сельской школы необходимо для разработки эффективных психолого-педагогических программ, направленных на развитие личности и социальной адаптации.

Проблемы коммуникативного взаимодействия подростков сельских образовательных школ подробно раскрывается в современных исследованиях Байбородовой Л. В., Коршуновой О. В., Гурьяновой М. П., Жигулевой Л. Ю., Исановой Г. К. Кокманджиева А. В., Никитовской Г. В., Корня Г. А., Самохваловой А. Г. И др.

Исследования этих авторов показывают, что коммуникативное взаимодействие сельских школьников имеют свои особенности:

Характеристика среды	Особенности взаимодействия	Риски и ресурсы
Городская среда	Преобладает индивидуализм, эмоциональная отстраненность и дистанцирование.	Риск: Защитная стратегия, вызванная страхом насмешек и отвержения (А.Г. Самохвалова).
Сельская среда	Основана на коллективизме и традициях; общение близко к семейному, часто разновозрастное (Г.К. Исанова).	Ресурс: Создаёт чувство стабильности и мощный стимул для уверенности при одобрении. Риск: Жизнь "на виду" и тесные связи могут порождать чрезмерную зависимость от мнения окружения, делая критику болезненной (А.В. Кокманджиев).

--	--	--

Ключевым социальным институтом, формирующим у сельских подростков готовность к конструктивному взаимодействию, выступает школа, которая, по мнению Л.В. Байбординой, требует развития коммуникативной толерантности (способности к диалогу и компромиссу) как важного психологического ресурса в замкнутой среде [2]. Авторы подчёркивают, что это взаимодействие является сложным процессом удовлетворения базовых потребностей (в принятии, безопасности). А.Г. Самохвалова отмечает контраст между эмоционально отстранённой городской средой с её индивидуализмом и сельской местностью, где традиции коллективизма стимулируют стремление к доверительным связям [8]. Г.К. Исанова указывает, что межличностная коммуникация в сельской школе часто носит разновозрастный, почти семейный характер [5]. Однако эта теснота, как предупреждает А.В. Кокманджиев, имеет двойственный эффект: несмотря на высокую эмпатию и стабильность, жизнь «на виду» и ограниченность круга общения могут приводить к чрезмерной зависимости от мнения окружающих и болезненной реакции на критику [6].

Условия сельской среды предъявляют к личности особые требования. Ограниченность ресурсов и высокая плотность социальных связей создают уникальный контекст для развития механизмов адаптации. В отличие от городской среды, где подростки имеют возможность менять круг общения и избегать конфликтов, в сельских школах поддержание гармоничных отношений со сверстниками часто становится жизненной необходимостью. Мы предполагаем, что именно в этих условиях формируются и проявляются те психологические качества, которые могут служить важным ресурсом для успешного взаимодействия.

Наряду с основными функциями коммуникативного взаимодействия, важную роль в формировании личности и её способности к адаптации играет коммуникативная толерантность — качество, которое определяет способность человека принимать и понимать других, даже если их взгляды, поведение или ценности отличаются от его собственных. В условиях современных вызовов, когда мир становится все более “экстремальным” и разделённым, развитие толерантности становится критически важным для гармоничного развития подростков».

Особенности коммуникативной среды в сельской местности, как уже отмечалось, могут создавать уникальные условия для формирования толерантности. Ограниченный круг общения и высокая плотность социальных связей в малых сообществах, как мы предполагаем, способствуют развитию навыков принятия и компромисса. В отличие от городской среды, где подростки имеют широкий выбор круга общения, в сельских школах поддержание гармоничных отношений со сверстниками часто становится жизненной необходимостью, что, в свою очередь, может формировать более высокий уровень толерантности как механизма сохранения этих связей.

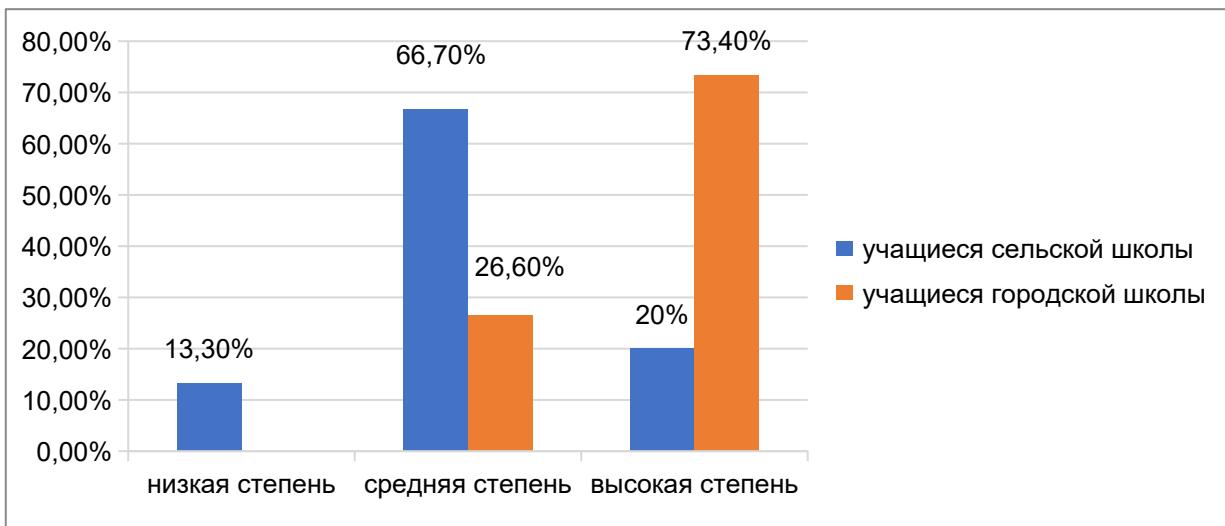
На основе анализа научной литературы была сформулирована гипотеза: уровень развития социальных навыков и коммуникативной толерантности у обучающихся сельских школ отличается от уровня у учащихся городских школ. Учащиеся сельских школ демонстрируют большую направленность на сотрудничество и взаимопомощь в общении, тогда, как учащиеся городских школ склонны к большей автономии и индивидуализму.

Материалы и методы (Materials and methods)

В исследовании принимали участие две группы учащихся в возрасте 14-15 лет. Первая группа включала учащихся сельских школ, вторая - городских школ.

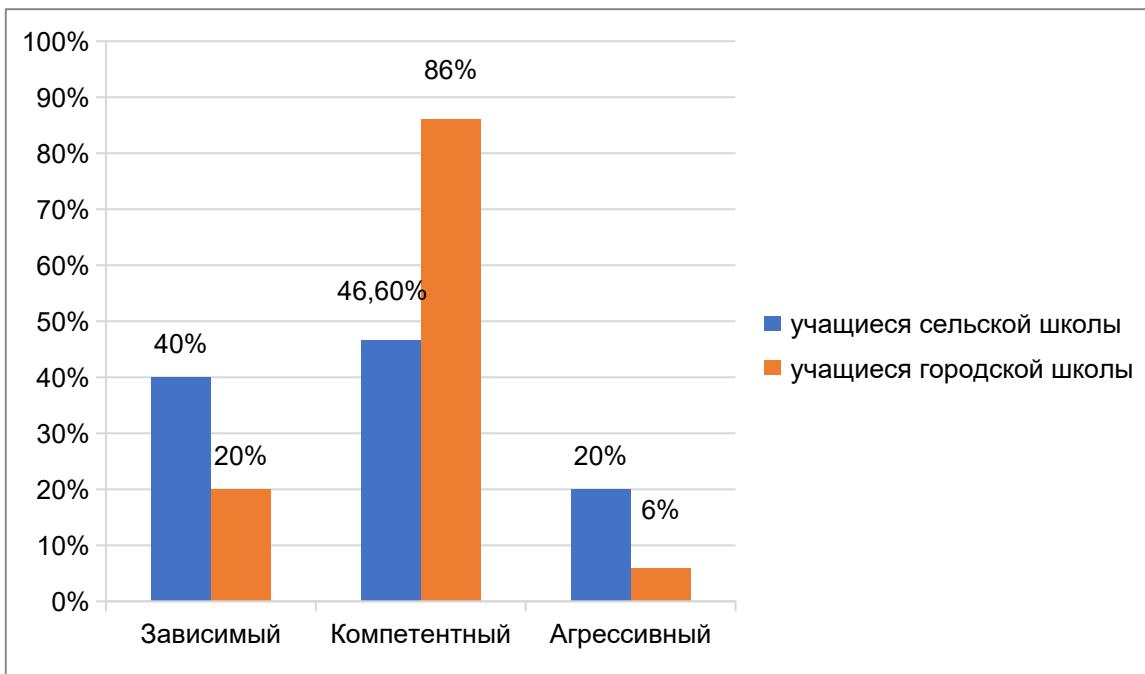
Для изучения уровня коммуникативной толерантности подростков применялся «Опросник коммуникативной толерантности» В.В. Бойко (рисунок 1). Исследование показало, что основная часть учащихся (66,7%) сельской школы проявляют среднюю степень толерантности. Это означает, что они способны демонстрировать понимание и уважение к различным мнениям и взглядам, хотя возможны моменты непонимания или конфликтов. В городской школе средний показатель толерантности присущ 26,6% учащимся, что существенно ниже, чем в сельской школе. Это может указывать на то, что больше учеников еще формируют полную открытость к различиям. Подавляющее большинство учащихся городской школы (73,4%) обладают высоким уровнем толерантности, что подтверждает их успешное взаимодействие с окружающими, глубокое понимание и уважение к разнообразию. В сельской школе высокая степень толерантности отмечается у 20% учащихся, что отражает присутствие значительной доли подростков, глубоко понимающих и принимающих разнообразие. Среди учащихся сельской школы низкая степень толерантности встречается у 13,3%, что указывает на наличие проблем с принятием других точек зрения у небольшой части школьников.

Таким образом, городские учащиеся в целом показывают более высокий уровень толерантности.

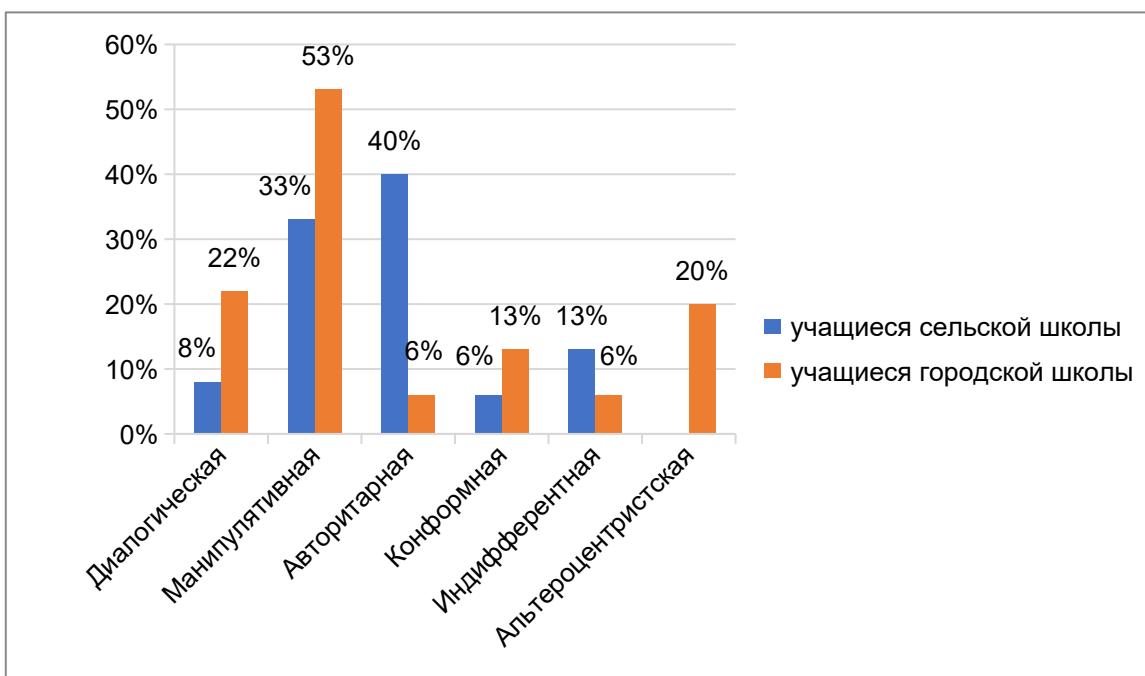
Рисунок 1- Сравнение степени толерантности подростков сельской и городской школ

Для оценки коммуникативных навыков подростков использовался «Тест коммуникативных умений Михельсона» (рисунок 2). Анализ выявленных форм коммуникации демонстрирует существенные различия между сельскими и городскими школьниками. Учащиеся сельской местности значительно чаще проявляют зависимый стиль (40% против 20% в городе), что свидетельствует о меньшей уверенности в себе и сильной потребности во внешней поддержке. Кроме того, в сельских школах заметно выше уровень агрессивного общения (20% против 6% в городской среде), что может быть связано с дефицитом навыков конструктивного разрешения конфликтов. В противовес этому, городские школьники лидируют по показателям компетентного стиля общения (86% в город, 46,6% в селе), демонстрируя более высокий уровень владения коммуникативными навыками, независимость и общую склонность к более спокойному взаимодействию. В целом, городская среда, благодаря своему разнообразию, способствует формированию более независимых и компетентных моделей общения, тогда как специфика сельской местности коррелирует с более выраженными конфликтными и зависимыми паттернами поведения.

Рисунок 2- Сравнение способов выраженности коммуникативного взаимодействия у подростков сельской и городской школ

Для исследования выраженности направлений личности в общении учащихся сельской и городской школы применялась методика С.Л.Братченко «Направленность личности в общении» (рисунок 3).

Рисунок 3-Сравнение выраженности направлений личности в общении учащихся сельской и городской школы

Сравнительный анализ коммуникативных ориентаций подростков выявил чёткие различия между сельскими и городскими школьниками. У учащихся сельских школ значительно преобладают манипулятивная (33%) и

авторитарная (40%) ориентации, что указывает на выраженное стремление к доминированию, контролю и влиянию на других ради личных целей. Крайне низкий или отсутствующий показатель альтероцентрической ориентации (0%) говорит о сосредоточенности на собственных интересах и недостаточном внимании к благополучию партнёра по общению. В противовес этому, городские школьники демонстрируют явное доминирование диалогической ориентации (53%), что свидетельствует о склонности к равноправному и конструктивному общению. У них также низка манипулятивная (6%) и умеренна авторитарная (13%) тенденции, при этом ярко выражена альтероцентрическая ориентация (20%), подчеркивающая готовность учитывать интересы окружающих.

Таким образом, городские подростки проявляют большую диалогичность и внимание к другим, в то время как сельские учащиеся чаще прибегают к авторитарным и манипулятивным стратегиям.

Для выявления возможных различий между двумя независимыми образцами, такими как учащиеся сельских и городских школ, использовался непараметрический критерий Манна-Уитни. Проведённое сравнение групп выявило наиболее существенные различия по индексу толерантности, где участники первой группы (сельской) продемонстрировали значительно более высокие показатели, чем во второй (городской).

Результаты (Results).

Проведенное исследование показало, что толерантность может быть ключевым фактором, который помогает школьникам справляться с трудностями. Мы выявили, что группа школьников, которая показала более высокий уровень толерантности, также имела лучшие показатели по другим параметрам. Это говорит о том, что толерантность не просто качество личности, а важный ресурс для адаптации.

Исходя из выявленных особенностей, для коррекции и развития коммуникативных навыков сельских подростков необходим комплекс целенаправленных мер. Прежде всего, требуется развитие саморегуляции и эмоционального интеллекта: акцент следует сделать на обучении постановке конкретных целей и проведении тренингов эмоционального интеллекта для усиления контроля над эмоциями, что поможет компенсировать недостаток внутренней уверенности. Крайне важно сохранение и усиление толерантности: необходимо использовать уже имеющийся высокий уровень терпимости как ценный ресурс, организуя групповые дискуссии и упражнения на активное слушание для культивирования взаимопонимания и уважения к чужой точке зрения. Учитывая высокую долю подростков, прибегающих к агрессивным и авторитарным стратегиям, критически важным является обучение конструктивному разрешению конфликтов через внедрение программ по медиации и ролевых игр для освоения навыков мирных переговоров и поиска компромиссов. Для содействия адаптации и практике общения в различных социальных ситуациях необходимо стимулирование социальной интеграции путём расширения внеклассной деятельности

(кружки, экскурсии). Наконец, для коррекции склонности к соперничеству и манипуляции рекомендуется формирование ориентации на сотрудничество посредством организации совместных проектных работ в малых группах, создавая атмосферу доверия для развития позитивного опыта конструктивного взаимодействия и альтероцентрической направленности.

Поставленная гипотеза - уровень развития социальных навыков и коммуникативной толерантности у обучающихся сельских школ отличается от уровня у учащихся городских школ. Учащиеся сельских школ демонстрируют большую направленность на сотрудничество и взаимопомощь в общении, тогда как учащиеся городских школ склонны к большей автономии и индивидуализму, нами доказана в полном объеме.

Заключение (Conclusions).

В экстремальных условиях, когда человек сталкивается с высоким уровнем стресса, толерантность помогает ему сохранять спокойствие и принимать различия, что в свою очередь способствует более эффективному взаимодействию в команде и принятию верных решений. Таким образом, развитие толерантности у школьников может быть важной частью подготовки к жизни в непредсказуемом мире.

Толерантность, которую мы наблюдаем у сельских школьников, можно рассматривать как скрытый ресурс, который помогает им справляться с трудностями. В условиях, когда ограничен доступ к информации и социальным связям, высокая толерантность позволяет подросткам принимать и понимать различия между собой, что, в свою очередь, способствует более эффективному взаимодействию и разрешению конфликтов.

Для экстремальной психологии это означает, что толерантность может быть ключевым фактором, который определяет успешность адаптации человека к сложным, стрессовым ситуациям. Когда человек сталкивается с высоким уровнем стресса, толерантность помогает ему сохранять спокойствие и принимать нестандартные решения. Развитие этого качества у подростков может стать важным элементом подготовки к жизни в непредсказуемом мире, где умение принимать и уважать чужую точку зрения становится критически важным для выживания и успешного взаимодействия в группе.

Список литературы:

- 1.Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2012.- 362 с.
- 2.Байбородова Л. В., Коршунова О. В. Психологическая комфортность образования в сельской школе: результаты теоретико-эмпирического исследования. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2021.- 235 с.
- 3.Вацлавик П. Психология межличностных коммуникаций. - СПб.: Речь, 2015. – 99с.

- 4.Гурьянова М. П. Социокультурный опыт современных сельских и городских подростков: сравнительный анализ // Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности и профессиональной подготовки кадров в России. 2020. С. 76-86.
- 5.Исанова Г. К. Взаимодействие семьи и школы в условиях малокомплектной сельской школы // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2021. № 5 (7). С. 23-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-semi-i-shkoly-v-usloviyah-malokomplektnoy-selskoy-shkoly>.
- 6.Кокманджиев А. В. Особенности развития навыков социального взаимодействия старшеклассников малокомплектных школ// Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2024. № 3. С. 37-43. URL: <https://journals.bsu.ru/content/articles/4190.pdf>.
- 7.Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. СПб.: Питер, 2009.- 320 с.
- 8.Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности ребенка в поликультурной социальной среде: монография. Кострома: Изд-во: Костромской государственный университет, 2019.- 280 с.
- 9.Черенецкая Л.В. Развитие коммуникативных способностей у дошкольников. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
- 10.Эльконин Д. Б. Детская психология: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. М.: Академия, 2011. -383 с.

Недоленко Ольга Александровна,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
(г. Москва, Россия), студент магистратуры
e-mail: 1032259268@rudn.ru
Nedolenko Olga Aleksandrovna,
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia), graduate student

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ В АЛЬПИНИЗМЕ И СКАЛОЛАЗАНИИ

THE FEATURES OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR ATHLETES IN MOUNTAINEERING AND ROCK CLIMBING

Аннотация. В статье представлены общая характеристика спорта как вида деятельности и описание роли спортивной психологии в обеспечении профессиональной эффективности спортсменов в альпинизме и скалолазании. Рассмотрены причины и последствия психологического травматизма в спортивной карьере. Проанализированы общие черты и различия в психологической подготовке альпинистов и скалолазов, и обозначена необходимость развития психологического сопровождения в экстремальных видах спорта в связи с повышенным риском для жизни.

Abstract. The article presents a general description of sport as a type of activity and describes the role of sports psychology in ensuring the professional performance of athletes in mountaineering and climbing. The causes and consequences of psychological trauma in sports career are considered. The general features and differences in psychological training of climbers and climbers are analyzed, and the need for development of psychological support in extreme sports due to increased risk to life is indicated.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, психологическая подготовка, психологический травматизм, альпинизм, скалолазание.

Keywords: psychological support, mental training, psychological trauma, climbing, rock climbing.

Введение

Спортивная деятельность, как и любой другой вид деятельности, является системным процессом, целостность и эффективность которого зависит от системообразующего фактора. В.К. Сафонов в качестве такого фактора выделяет психологические основы, поскольку именно они рассматривают спортсмена как субъекта спортивной деятельности, обладающего не только специальными физическими навыками, но и конкретными личностными характеристиками [7]. Внимание к личности

спортсмена, к его индивидуальным психологическим особенностям обусловило появление относительно молодого направления в психологии – психологии спорта. По замечанию В.К. Сафонова, на данном этапе развития спортивная психология не имеет исчерпывающей ясности и точности в определении и использовании основных понятий, примерами которых могут служить «психологическая подготовка», «психологическое сопровождение», что приводит к недостаточному вниманию ко многим личностным особенностям спортсменов и узкой направленности стоящих перед ними задач, сущность которых можно выразить конкретной установкой: «настроить спортсмена на победу» [7, с. 72]. Причина такого поверхностного взгляда на личность спортсмена может заключаться в том, что, несмотря на огромный практический опыт психологических исследований в спорте, отсутствует должная проработка научных основ спортивной психологии [7].

Недостаточно внимательное отношение к психологическому состоянию спортсменов со стороны тренеров, спортивных функционеров приводит к возникновению психологического травматизма. В.К. Сафонов характеризует **психологический травматизм** как проблему недооцененной роли психологического обеспечения в подготовке спортсменов, которая имеет несколько причин. Первая причина состоит в отсутствии должного уровня психологического сопровождения спортсменов при организации их подготовки: продолжительное психическое напряжение из-за высоких спортивных нагрузок, несоблюдение условий для восстановления. Другими причинами психологического травматизма могут быть расхождения мотивов спортсмена и тренера, повышенная значимость спортивных достижений с одновременным невниманием к личностному росту спортсмена, его потребности в социальной адаптации и самоутверждении, в том числе, за пределами спорта. Обозначенные проблемы психологического травматизма могут приводить к состояниям психологического пресыщения, эмоционального выгорания, неврозам, психическому истощению, которое проявляется в неадекватных реакциях на стресс и в снижении адаптивных психических функций. Дальнейшие спортивные действия становятся возможными только с ростом ресурсных затрат, что создает повышенный риск функциональных травм и приводит к общему снижению потенциала спортсмена [7].

Решение указанных проблем и профилактика возникновения психологического травматизма, согласно В.К. Сафонову, заключаются в изменении режима тренировок и восстановительных процедур с внедрением психологической работы и консультативных мероприятий в подготовку спортсменов на всех уровнях спортивной деятельности.

Отметим, что вышеописанная характеристика психологического травматизма актуальна для спортивной деятельности в целом, однако в данной работе мы заострим внимание на двух направлениях экстремального спорта:

альпинизме и скалолазании. По нашему мнению, учет психологии спортсменов-экстремалов и развитие мер психологического сопровождения на всех этапах экстремальной спортивной деятельности является первостепенным в силу повышенного риска для жизни как самих спортсменов, так и всех, кто принимает участие в их подготовке и обеспечении безопасности – тренеров, спасателей, членов семьи.

Таким образом, цель данной статьи – на основании анализа теоретического материала о специфике требований, предъявляемых спортсменам в альпинизме и в скалолазании, выявить общие черты психологического сопровождения и обозначить различия, связанные с уникальностью каждого вида спорта.

Результаты

Высокий уровень спортивных достижений в большей мере обусловлен психологическими факторами, что подтверждает рост интереса к психологическому сопровождению со стороны спортсменов, тренеров, менеджеров, а также привлечение психологов к подготовительным и соревновательным процессам.

Примечательно, что определение понятия «психологическое сопровождение» разнится в зависимости от подхода, в котором рассматривается. Согласно И.И. Кобзаревой, это вид профессиональной психологической деятельности, включающей определенные методы, формы психодиагностики и личностного развития спортсменов [3]. Иного взгляда придерживается В.Г. Сивицкий, который утверждает, что «психологическая подготовка – это комплекс мероприятий по работе с психикой спортсмена» [8, с. 40]. Отметим, что расхождения в использовании понятий «сопровождение» и «подготовка» объясняются отсутствием единогласно принятого толкования каждого из них: некоторые исследователи отождествляют эти понятия, в то время как другие отмечают разницу в их целях и задачах. В данной работе мы будем придерживаться первой точки зрения и использовать оба понятия в качестве взаимозаменяемых.

Примечателен тот факт, что, по мнению Г.Б. Горской, по-прежнему отсутствует единая система психологического сопровождения спортсменов, что сказывается на снижении уровня их психологической подготовленности. В связи с этим, возникает необходимость в замене реактивного подхода проактивным, основная цель которого состоит в предотвращении возникновения психологических проблем и формировании стратегий адаптации личности спортсмена к строгим требованиям профессионального спорта [1].

Представленная характеристика психологического сопровождения как неотъемлемого элемента подготовки спортсменов относится к спортивной деятельности в целом, однако данная статья нацелена на изучение и сравнение

специфики психологической подготовки спортсменов-экстремалов в альпинизме и скалолазании. Прежде всего, необходимо определить содержание альпинизма и скалолазания как видов спорта и составить сравнительную характеристику по следующим параметрам: **цель, условия, профессионально важные свойства психики спортсменов**.

Альпинизм – это вид спорта, **целью** которого является восхождение на горную вершину через преодоление естественных преград (снег, ледники, горные реки, скалы) в течение нескольких дней или недель. Деятельность спортсменов-альпинистов осуществляется в естественных природных **условиях**: некрутые и крутые скалы, снежные склоны, ледники, ледопады, горные реки с быстрым течением, сильный ветер, ультрафиолетовое излучение, низкие температуры и атмосферное давление, сниженная концентрация кислорода, мороз [6].

В свою очередь, **скалолазание** – это олимпийский вид спорта, и его **цель** заключается в преодолении «трассы», то есть конкретного участка, посредством одной из трех форм: на скорость (подъем за минимальное время), на трудность (подъем на большую высоту со страховкой и разными уровнями сложности «трасс»), боулдеринг (прохождение нескольких «трасс» с отсутствием страховки). **Условия**, предназначенные для скалолазов, включают природные скалы, искусственные скалодромы и стенды на улице или в зале со специально обозначенными точками страховки и фиксированной протяженностью маршрутов [9].

Профессионально важные свойства психики альпинистов и скалолазов могут быть рассмотрены с точки зрения трех компонентов: 1) **когнитивные**; 2) **эмоциональные**; 3) **поведенческие, или характерологические** [2]. Согласно концепции А.Л. Попова, психологическая подготовка условно может быть разделена на **общую**, то есть универсальную для всех видов спортивной деятельности, в том числе для экстремальных, и **специальную**, которая меняется и дополняется в зависимости от конкретной спортивной дисциплины [5]. Определенный объем требований, предъявляемый альпинистам и скалолазам к их физической, тактической и психологической подготовке, является общим. Так, психические свойства личности спортсмена, важные для обоих видов спорта, включают способность оценивать ситуацию прохождения маршрута, планировать время движения, составлять «мысленную карту» пути, а также выполнять идеомоторные (мысленные) тренировки в процессе преодоления пути (**когнитивный компонент**); умение регулировать уровень эмоционального возбуждения, контролировать поведение и восприятие (**эмоциональный компонент**); способность адекватно воспринимать внешние мотивирующие воздействия со стороны тренера (инструктора), применять индивидуальные техники саморегуляции, самоприказов (**поведенческий компонент**). Перечисленные

свойства личности должны учитываться спортивным психологом при работе в четырех **направлениях базовой программы психологического сопровождения**: 1) диагностика фактического уровня психологической подготовленности; 2) проектирование индивидуальной программы подготовки; 3) мониторинг и оперативная оценка состояния; 4) корректирующие меры при необходимости.

Организация **специальной психологической подготовки** спортсменов в альпинизме и скалолазании имеет различное содержание в соответствии со спецификой локации, физической нагрузки, временных затрат, степени осведомленности о маршруте и роли тренера (инструктора). Различия по указанным критериям продемонстрированы в таблице 1:

Таблица 1 – Сравнительная характеристика альпинизма и скалолазания

	Альпинизм	Скалолазание
Локация	Путь до вершины в природных условиях, отсутствие инфраструктуры	Естественный/искусственный рельеф, фиксированная протяженность маршрута, оборудованная инфраструктура
Характер физической нагрузки	Общая выносливость, толерантность к холоду и высоте, стабильно высокая концентрация при медленном, монотонном и непрерывном движении	Циклические движения, силовая выносливость, развитие «чувства тела»
Временные затраты	Несколько дней или недель, отсутствие временных лимитов	Лимиты времени на прохождение трасс: от 0,01 секунд до нескольких минут
Степень осведомленности о маршруте	Дефицит информации, неконтролируемая среда	Маршрут заранее известен, обустроенная и контролируемая среда
Роль тренера/инструктора	Гид, проводник, лидер группы, спасатель	Фасilitатор, «вдохновитель»

Таким образом, принципиальные отличия альпинизма от скалолазания состоят в том, что в альпинизме первостепенную роль играют настойчивость, надёжность, выдержка и стабильная эффективность решений спортсмена в условиях автономности, монотонии движения и непредсказуемости природы на многодневных маршрутах. В скалолазании приоритетными для спортсменов являются скорость, точность и координация движений, контроль тела в пространстве, совершенствование техники прохождения маршрутов в течение нескольких минут. Учет этих факторов необходим при дифференциации свойств психики, значимых для спортсменов отдельно в каждой дисциплине, и при планировании мероприятий по **специальной психологической подготовке в трех направлениях**: 1) достижение

нормального психического состояния (настройка); 2) регулирование психического состояния спортсмена во время соревнований; 3) психологическое восстановление.

Исходя из вышеперечисленных направлений, психологам в работе с альпинистами следует обратить более пристальное внимание на формирование у них умения справляться с «поражением» в случае преждевременного завершения восхождения (*когнитивный компонент*); умения регулировать острые состояния: аффективные реакции, приступы страха, истерики и др., способности справляться с «пиковыми переживаниями» (по А. Маслоу) и глубже изучать феномен высокоразвитой интуиции, «предчувствия» опасных ситуаций (*эмоциональный компонент*); исследовать уровень притязаний альпинистов, учитывать их чрезмерную амбициозность, выраженную в стремлении к постоянной проверке предела своих физических и психических возможностей, и при необходимости корректировать возникающие у спортсменов когнитивные искажения (*поведенческий компонент*) [4].

Иными по содержанию будут задачи, стоящие в приоритете перед психологом в работе со спортсменами-скалолазами: развитие внимания, осознанности и оперативной памяти, формирование и совершенствование привычек мышления для безошибочных автоматизированных движений (*когнитивный компонент*); проработка страха падения и страха поражения, работа с избеганием и ментальными блоками в преодолении «непосильных» трасс, помочь в работе с уничтожительными мыслями (*эмоциональный компонент*); помочь в регуляции стартовых напряжений, создание настроя на состязания, практика навыка достижения боевого состояния, обучение расслаблению в процессе лазания (*поведенческий компонент*).

Важно отметить, что и альпинизм, и скалолазание являются не только физически сложными видами деятельности, но и интеллектуальным трудом, требующим креативного подхода и творческих идей при решении задач на маршруте в экстремальных условиях.

Выводы и заключение

Таким образом, несмотря на пересечение требований к физической подготовке в альпинизме и скалолазании, организация психологического сопровождения спортсменов должна быть различной. Спортивному психологу следует учитывать условия экстремальной спортивной деятельности и разрабатывать программу специальной психологической подготовки в соответствии задачами, стоящими перед спортсменами, и сопровождающими их рисками.

В связи с ростом популярности экстремальных видов спорта возрастает потребность в квалифицированных психологах, которые будут способны

обеспечивать повышение эффективности деятельности спортсменов посредством совершенствования ее элементов, в числе которых индивидуализация подготовки спортсмена, проверка переносимости тренировочных нагрузок, формирование культуры управления своими эмоциями (самоконтроль и психорегуляция), улучшение социально-психологического климата спортивной деятельности и расширение практики спортивного психологического консультирования. Реализация перечисленных направлений в психологическом сопровождении спортсменов создает перспективу для профилактики психологического и функционального травматизма и повышения качества подготовительных, соревновательных и восстановительных процедур в спорте.

Список литературы:

1. Горская, Г. Б. Стратегия психологического сопровождения подготовки высококвалифицированных спортсменов: ресурсы и ограничения / Г. Б. Горская // Наука и спорт: современные тенденции. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 98-107. DOI: 10.36028/2308-8826-2021-9-3-98-107
2. Грушко, А. И. О психологической подготовке в альпинизме и некоторых личностных особенностях спортсменов-альпинистов / А. И. Грушко // Актуальные вопросы Службы медицины катастроф: материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (Омск, 21-22 июня 2012 г.). – Омск : ИЦ «Омский научный вестник». – 2012. – С. 144-146.
3. Кобзарева, И. И. Психологическое сопровождение как направление деятельности психологической службы в системе профильного обучения / И.И. Кобзарева // Наука. Инновации. Технологии. – 2010. – С. 95-101.
4. Михайлова, О. Б., Пономарева, И. А., Голубев, Д.В. Особенности мотивации и направления самореализации личности в субкультуре экстрема / О. Б. Михайлова, И. А. Пономарева, Д.В. Голубев // Человеческий капитал. – 2025. – № 04(196). – С. 137-144.
5. Попов, А. Л. Спортивная психология: учеб. пособие для спортивных вузов / А.Л. Попов. – М. : МПСИ, Флинта. – 1998. – 152 с.
6. Пясик, Д. Н. Психология альпинизма / Д.Н. Пясик. – Екатеринбург : ООО «Издательские решения». – 2022. – 209 с.
7. Сафонов, В. К. Психология спорта – современные задачи научно-практического обеспечения спортивной деятельности / В. К. Сафонов // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2(8). – С. 71-74.
8. Сивицкий, В. Г. Система психологического сопровождения спортивной деятельности / В. Г. Сивицкий // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6. – С. 40-43.

9. Элисон, Д., МакГрат, Д. Вертикальный разум / Д. Элисон, Д. МакГрат. – Екатеринбург : ООО «Издательские решения». – 2018. – 310 с.

References:

1. Gorskaya, G. B. Strategy of psychological support of training highly qualified athletes: resources and limitations / G. B. Gorskaya // Science and sport: current trends. – 2021. – vol. 9, no. 3, pp. 98-107 (in Russ.) DOI: 10.36028/2308-8826-2021- 9-3-98-107
2. Grushko, A. I. On psychological training in mountaineering and some personal characteristics of athletes-climbers / A. I. Grushko // Topical issues of the Service of Medicine of catastrophes: materials of the Interregional scientific-practical conference with international participation (Omsk, 21-22 June 2012). – Omsk : IC «Omsk scientific journal». – 2012. – pp. 144-146.
3. Kobzareva, I. I. Psychological support as a branch of the psychological service in the system of specialized training / I. I. Kobzareva // Science. Innovation. Technology. – 2010. – pp. 95-101.
4. Mikhailova, O. B., Ponomareva, I. A., Golubev, D.V. Features of motivation and self-realization of the personality in the subculture of extreme / O. B. Mikhailova, I. A. Ponomareva, D. Golubev // Human capital. – 2025. – № 04(196). – pp. 137-144.
5. Popov, A. L. Sports psychology: study manual for sport schools / A. L. Popov. – Moscow : MPI, Flintts. – 1998. – 152 pp.
6. Pyasik, D. N. Psychology of Mountaineering / D. N. Pyasik. – Yekaterinburg : LLC «Publishing Decisions». – 2022. – 209 pp.
7. Safonov, V. K. Psychology of sport modern problems of scientific and practical support of sports activities / V. K. Safonov // National psychological journal. – 2012. – № 2(8). – pp. 71-74.
8. Sivitsky, V. G. System of psychological support of sports activities / V. G. Sivitsky // Theory and practice of physical culture. – 2006. – № 6. – pp. 40-43.
9. Alison, D., McGrath, D. Vertical Mind / D. Alison, D. McGrath. – Yekaterinburg : «Publishing Decisions». – 2018. – 310 pp.

Оськина Галина Анатольевна,

МДОУ «Детский сад «Медвежонок»

Структурное подразделение Детский сад
«Лисенок» (с. Чемал, Россия), педагог-
психолог

Oskina Galina Anatolyevna,

Kindergarten "Medvezhonok" structural
subdivision Kindergarten "Lisenok" (Chemal,
Russia), teacher-psychologist

ВЗАИМОСВЯЗЬ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С МОТИВАЦИЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ИХ РОДИТЕЛЕЙ

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEARNING MOTIVATION OF OLDER PRESCHOOL CHILDREN AND THE ACHIEVEMENT MOTIVATION OF THEIR PARENTS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи учебной мотивации старших дошкольников и мотивации достижения их родителей. Эмпирическое исследование проводилось с использованием методик М.Р. Гинзбурга, Т.А. Нежновой и А. Мехрабиана. Выявлены статистически значимые корреляции между уровнем учебной мотивации детей и мотивацией достижения родителей. Полученные данные подтверждают гипотезу о взаимовлиянии родительской и детской мотивации. Разработаны практические рекомендации для педагогов и родителей по формированию устойчивой учебной мотивации у детей в период подготовки к школе.

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between the learning motivation of older preschoolers and the achievement motivation of their parents. An empirical study was conducted using the methods of M.R. Ginzburg, T.A. Nezhnova and A. Mehrabian. Statistically significant correlations were identified between the level of children's learning motivation and parents' achievement motivation. The obtained data confirm the hypothesis about the mutual influence of parental and child motivation. Practical recommendations have been developed for teachers and parents on the formation of sustainable educational motivation in children during the period of preparation for school.

Ключевые слова: учебная мотивация, познавательная мотивация, старшие дошкольники, подготовка к школе, мотивация достижения, семейное воспитание, психологическая готовность к школе.

Keywords: learning motivation, cognitive motivation, older preschoolers, school preparation, achievement motivation, family education, psychological readiness for school.

Образовательная среда современной школы предъявляет высокие требования к уровню психического развития детей дошкольного возраста, к их обучаемости и обученности. Особую значимость приобретает мотивационная готовность детей к школьному обучению, которая является фундаментом успешной адаптации к систематическому образовательному процессу. В контексте подготовки к школе формирование устойчивой познавательной и учебной мотивации становится приоритетной задачей психолого-педагогического сопровождения старших дошкольников [7, с. 96].

Актуальность исследования обусловлена наблюдаемой тенденцией к снижению учебной мотивации у первоклассников, что проявляется в отсутствии интереса к содержанию обучения, преобладании игровых мотивов и трудностях произвольной регуляции познавательной деятельности [8]. Несмотря на широкую распространенность ориентации на раннее интеллектуальное развитие, многие дети демонстрируют недостаточную социально-психологическую и мотивационную готовность к школе [4, с. 24].

Зарубежные исследователи J. Lepola (Финляндия) и A. Berhenke (США) отмечают, что мотивационное развитие ребенка в дошкольном возрасте сравнительно мало изучено, так как исследования проводились в основном с участием детей школьного возраста, и лишь немногие исследователи изучали формирование ранних мотивационных тенденций. Одна из причин недостатка исследований развития детской мотивации — необходимость уточнения определения этого понятия. Наряду с понятием achievement motivation — мотивация достижения в современных зарубежных публикациях, посвященных проблематике мотивации у детей, нередко встречается термин mastery motivation, который, учитывая возрастную специфику, можно перевести как мотивация умелости, компетентности. В статье L. Gilmore отмечается, что этому конструкту уделяется значительное внимание в исследованиях дошкольного детства на протяжении последних 25 лет [8].

Исследования в этой парадигме начались с работ R. White в 50-е годы прошлого века с концептуализации врожденного стремления ребенка к компетентности, и дальнейшей разработки этой теории S. Harter (70-е — 80-е гг.). Первоисточник понятия мотивации компетентности — в понятии мотивации эффективности, которую R. White определял через детскую любознательность и исследовательское поведение. Описываемая как «психологическая сила, которая побуждает индивида пытаться самостоятельно, целенаправленно и настойчиво решать проблему, овладевать навыком или справляться с задачей, которая является как минимум среднего уровня трудности для него» мотивация компетентности (mastery motivation) наиболее часто проявляется как настойчивость в решении сложных, но соответствующих уровню развития задач [8, с. 78-79].

В данном ключе вызывает интерес исследование с использованием методики P. Smiley и C. Dweck представленное С.А. Day и В.М. Burns, посвященное изучению мотивации достижения у детей дошкольного возраста из семей с низким и средним достатком. Было выделено два различных мотивационных паттерна у детей: «ориентация на выполнение» и «ориентация

на компетентность». Дети, ориентированные на выполнение, склонны избегать сложных задач, проявляют снижение качества выполнения задания и настойчивости при решении сложных задач, планируют и разрабатывают стратегию неэффективно и проявляют больше негативных эмоций. Напротив, дети, ориентированные на компетентность, склонны видеть ситуации достижения как возможность улучшить свою компетентность. Эти дети предпочитают сложные задачи, они настойчивы в ситуации решения сложной задачи, демонстрируют эффективные стратегии решения проблем и оптимизм. Кроме того, было показано, что дети с мотивацией, «ориентированной на выполнение», и дети с мотивацией, «ориентированной на компетентность», демонстрируют различные паттерны «речи для себя», в процессе работы над сложными заданиями, что является индикатором когнитивных процессов при работе над задачей. Примеры высказываний детей, ориентированных на выполнение: «Это слишком трудно», «Я не смогу сделать это». Дети, ориентированные на компетентность, склонны проявлять более позитивные речевые паттерны: «Я смогу сделать это», «Нужно попробовать другой с

п Особенno важно изучать мотивацию в связи с проблематикой обучения детей группы риска школьной неуспеваемости для понимания, как мотивация связана со школьной адаптацией и поведением при обучении. Развитие мотивации в дошкольные годы становится основой хорошей успеваемости как в начальной школе, так и в дальнейшем.

Подчеркивая важность семьи и родительской поддержки Н.Н. Авдеева и др. в своем исследовании утверждают, что есть «Два вида помощи, которые мы выделяем как действительно способствующие развитию, — это рефлексивная помощь, которая помогает осмысливать недостатки собственного образа действий и сознательно перестроить и преодолеть их с помощью взрослого, и рефлексивно-эмпатическая помощь. Если какая-то трудность переживается ребенком как какое-то неприятное, тяжелое событие, то учет этого эмоционального компонента очень важен и он укрепляет отношения между ребенком и взрослым, эмоциональный контакт, а также способствует работе т

е Е.В. Бурмистрова и соавторы в своей работе подчеркивают, что «В дошкольном возрасте ребёнок включается в новые системы отношений, новые виды деятельности. Появляются, соответственно, и новые мотивы, связанные с формирующейся самооценкой, самолюбием. Формируются мотивы достижения успеха, соревнования, соперничества. Развиваются мотивы, связанные с усваивающимися моральными нормами и некоторые другие. Особенno значимы, с позиций развития личности дошкольника, мотивы интереса к содержанию деятельности и мотивация достижения. Начинает складываться индивидуальная мотивационная система ребёнка. Мотивы приобретают относительную устойчивость. Среди них выделяются доминирующие мотивы — преобладающие в формирующейся мотивационной иерархии.» [3, с.51].

а
н
и
з
М

Целью нашего исследования было выявление характера взаимосвязи учебной мотивации старших дошкольников и мотивации достижения их родителей.

Исследование проводилось на базе МДОУ «Детский сад "Медвежонок"» в селе Чемал Алтайского края. В нем приняли участие 26 детей старшего дошкольного возраста (6-7 лет) и их родители.

Для диагностики учебной мотивации дошкольников использовались: методика «Исследование мотивации учения» М.Р. Гинзбурга методика диагностики мотивации учения Т.А. Нежновой в модификации А.М. Прихожан

Для оценки мотивации достижения родителей применялась методика А. Мехрабиана. Обработка результатов проводилась с использованием методов математической статистики в программе SPSS.

Анализ результатов диагностики учебной мотивации старших дошкольников выявил неоднородность показателей. Большинство детей (58%) продемонстрировали средний уровень учебной мотивации, 27% – высокий уровень, и 15% – низкий уровень.

У дошкольников с низкой учебной мотивацией наблюдалось преобладание игровых мотивов ($M=5,0$). Эти дети воспринимали школу преимущественно как место для игр и общения со сверстниками. Показатель учебно-познавательной мотивации находился на низком уровне ($M=2,18$), что свидетельствовало о недостаточно развитом интересе к учебной деятельности.

Дети со средним уровнем учебной мотивации демонстрировали сбалансированное сочетание различных мотивационных факторов. Показатель игровой мотивации составлял $M=3,0$, что свидетельствовало о сохраняющемся интересе к игре, который уже уступал в значимости учебной мотивации.

Дошкольники с высоким уровнем учебной мотивации характеризовались выраженной учебно-познавательной направленностью ($M=4,0$) и низкими показателями игровой мотивации ($M=2,0$), что указывало на сформированную мотивационную структуру, ориентированную на учебную деятельность.

Диагностика мотивации достижения родителей выявила преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач. Средний показатель по шкале мотивации достижения успеха составил 192,5 балла при стандартном отклонении 14,62. Показатель мотивации избегания неудач был значительно ниже – 111,11 балла при стандартном отклонении 18,96.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые прямые связи между мотивом учения старших дошкольников и мотивацией достижения родителей:

- По методике М.Р. Гинзбурга: $r = 0,556$ ($p \leq 0,01$)
- По методике Т.А. Нежновой: $r = 0,554$ ($p \leq 0,01$)

Полученные данные подтвердили гипотезу исследования о прямой взаимосвязи уровня учебной мотивации старших дошкольников и мотивации достижений их родителей. То есть, родители с выраженной мотивацией

достижения успеха склонны создавать развивающую и поддерживающую среду, способствующую формированию у детей устойчивой познавательной и учебной мотивации.

На основе результатов исследования разработан комплекс психолого-педагогических рекомендаций для педагогов дошкольных образовательных учреждений:

создавать развивающую образовательную среду, стимулирующую познавательную активность через организацию исследовательской деятельности;

использовать игровые технологии для постепенного перехода от игровой к у

развивать внутреннюю мотивацию через создание ситуаций успеха;

существлять систематическое сотрудничество с родителями по вопросам развития учебной мотивации.

Также в работе представлены рекомендации для родителей старших дошкольников:

создавать поддерживающую атмосферу в семье, способствующую развитию познавательного интереса;

развивать мотивацию достижений через постановку реалистичных целей; использовать адекватную систему поощрений, акцентируя внимание на усилиях ребенка;

формировать позитивный образ школы и систематического обучения.

Проведенное исследование позволило выявить значимую взаимосвязь между уровнем учебной мотивации старших дошкольников и мотивацией достижения их родителей. Установлено, что мотивационная готовность к школе у большинства детей находится в стадии формирования, что проявляется в преобладании среднего уровня учебной мотивации и сочетании игровых и учебных мотивов.

Полученные результаты подчеркивают важность семейно-ориентированного подхода в психолого-педагогическом сопровождении детей дошкольного возраста. Создание развивающей и поддерживающей среды в условиях семейного воспитания способствует формированию устойчивой учебной мотивации у детей и успешной адаптации к школьному обучению.

Список литературы:

вдеева Н.Н., Шведовская А.А., Андреева А.Д., Бурлакова И.А., Ениколопов С.Н., Зарецкий В.К., Захарова Е.И., Кочетова Ю.А., Поскаkalova Т.А. Функциональная психологическая грамотность родителей и педагогов как условие построения эффективного общения с ребенком // Психологическая наука и образование. 2024. Том 29. № 1, с. 113-149.

ожович Л.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Проблемы формирования личности. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001, 349 с.

урмистрова Е.В. Детская возрастная психология: младенчество, раннее детство, дошкольное детство, младший школьный возраст,

подростковый возраст // Вестник практической психологии образования. – 2014. Том 11. №4, с. 41-51.

инзбург М.Р. Мотивационная готовность к школе как предмет психологической диагностики // Вопросы психологии. 2006. № 2, с. 24–32.

лозман Ж.М., Винникова Л. М. Детско-родительские отношения как фактор личностного и социального благополучия ребенка // СДО. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-roditelskie-otnosheniya-kak-faktor-lichnostnogo-i-sotsialnogo-blagopoluchiya-rebенка> (дата обращения: 11.10.2025).

олгова В.И., Крыжановская Н.В., Ратаева В.В. Влияние памяти на успеваемость младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 31, с. 96–100.

аркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. – М.: Просвещение, 1983, 96 с.

азаренко В.В. Современные зарубежные исследования мотивационного развития дошкольников// Современная зарубежная психология. 2013. №1, с. 78-87.

Functional Psychological Literacy of Parents and Teachers as a Condition
f

ozhovich, L. I. (2001). *Problems of Personality Formation: Selected
P*

3. Burmistrova, E. V., Dontsov, D. A., & Dontsova, M. V. (2014). Child
Ðevelopmental Psychology: Infancy, Early Childhood, Preschool Age,
Ðprimary School Age, Adolescence. *Vestnik Prakticheskoi Psikhologii
Ðobrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, (4), 51.

b

d

5. Ðlozman, Zh. M., & Vinnikova, L. M. (2012). Child-Parent Relationships
js a Factor of a Child's Personal and Social Well-Being.

6. Dolgova, V. I., Kryzhanovskaya, N. V., & Rataeva, V. V. (2015). The
Influence of Memory on the Academic Performance of Primary School
Ðchildren. *Nauchno-Metodicheskii Elektronnyi Zhurnal "Kontsept" =
Ñcientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 31, 96–100.

M. R. (2006). Motivational Readiness for School as a Subject of
Ð

W

karenko, V. V. (2013). Modern Foreign Research on the Motivational
Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Ð

Скоморовская Екатерина Евгеньевна,
Московский Государственный Университет
им. М.В. Ломоносова,
факультет Психологии,
кафедра экстремальной психологии,
студентка 4 курса
e-mail:skomorovskayaee@my.msu.ru

Skomorovskaya Ekaterina Evgenievna
Moscow State University
Faculty psychology,
Department of Extreme Psychology,
4th year student
e-mail:skomorovskayaee@my.msu.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

POSSIBILITIES OF PSYCHODIAGNOSTIC METHODS FOR SUICIDE RISK ASSESSMENT

Аннотация:

Данное исследование представляет собой попытку систематизации существующих знаний о психодиагностике суицидального риска и определения направлений для дальнейших исследований. Полученные результаты могут быть использованы для повышения эффективности работы специалистов в области психического здоровья и совершенствования профилактических мероприятий, направленных на снижение числа суицидальных случаев.

Abstract:

This study represents an attempt to systematize existing knowledge on the psychodiagnostics of suicidal risk and to define directions for future research. The obtained results can be used to enhance the effectiveness of mental health professionals' work and to improve preventive measures aimed at reducing the number of suicide cases.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, суицидальный риск, аутоагрессия, кризис, психодиагностика, психодиагностические методики.

Keywords: suicide, suicide risk, self-harm, crisis, psychodiagnostics, psychological assessment tools.

Актуальность темы самоубийств в современном мире не вызывает сомнений. По данным ВОЗ самоубийства ежегодно уносят жизни более 720 тысяч человек, и гораздо больше людей совершают попытки лишить себя жизни. За день убивают себя около 2300 человек, а это означает, что суициды совершаются каждые 40 секунд. Таким образом, самоубийства – серьезная проблема, влияющая на состояние здоровья населения и требующая эффективных методов диагностики.

В рамках данного исследования предпринята попытка анализа существующих психодиагностических подходов к оценке суицидального риска.

Агрессия определяется как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей в обществе, наносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (Большой психологический словарь). Аутоагрессия, в свою очередь, представляет собой систематические агрессивные действия, направленные на себя (Герасимова, 2015; Руженков, Лобов, Боева, 2008).

Необходимо отметить, что аутоагрессия выражается в двух формах: суицидальном поведении, а также в парасуицидальном поведении.

Парасуицидальное поведение (или по-другому, аутодеструктивное поведение) разделяется на косвенное и прямое. Косвенное характеризуется отсроченностью последствий нанесения себе вреда (алкоголь, никотин, наркотические вещества, участие в неоправданно рискованной деятельности (экстремальные виды спорта)). К прямому же, наоборот, эти последствия видны сразу.

Таким образом, самоповреждающее поведение - это сознательное или неосознанное причинение самим человеком вреда своему телесному или психическому здоровью (разрушение или изменение тканей любой части тела (самопорезы, самоотравление), не приводящего к смерти. К самоповреждающему поведению могут привести стрессовые ситуации, которые в большинстве случаев не носят ту опасность и тяжесть, которая субъективно воспринимается индивидом (Зотов, 2023), однако это не

всегда так. Кроме того, к самоповреждению могут прибегать с целью симуляции, например, чтобы уклониться от службы в Вооруженных силах. Так же такое поведение может быть обусловлено достижением своей цели при манипулировании окружающими (дети могут наносить себе порезы, чтобы родители прекратили ругаться). Кто-то из людей может таким образом пытаться обратить на себя внимание, либо же наносить себеувечья, чтобы подчеркнуть силу своих чувств: правоты, влюбленности. И наконец, членовредительство может возникать как из-за инфантильно-мазохистических мотивов (получение удовольствия от порезов), так и от релаксационное, которое как раз помогает снять эмоциональное напряжение.

Способы несуициального самоповреждения достаточно разнообразны. Наиболее распространенным видом самоповреждения являются самопорезы рук, ног, реже живота и груди (выщапывание слов/символов, расчесывание кожи ногтями, преднамеренные ожоги горячими предметами (в том числе и сигаретами, сухим льдом), кусание рук, растирание кожи). К членовредительству так же относится и самоотравление, прикусывание щек и губ, ногтей.

Важно отметить, что несмотря на то, что несуициальное самоповреждение хоть и не носит цели лишить себя жизни является предиктором самоубийства.

Таким образом, при анализе были замечены существенные разногласия в трактовке понятия “агgression” в научной литературе, а также отсутствие общепринятой классификации форм аутоагрессивного поведения. Это замечание обуславливает определенные трудности в стандартизации и унификации психодиагностического процесса.

Самоубийство - это умышленное, добровольное, сознательное, самостоятельное и в достаточной мере саморазрушительное самоповреждение с целью лишения себя жизни. Именно эти характеристики отличают суицид от других похожих аутоагрессивных намерений и именно поэтому самоубийство является крайней формой аутоагgressии.

Суицидальные намерения не появляются просто так. Существует две фазы социально-психологической дезадаптации. Предраспозиционная фаза - это совокупность предикторов. Для психодиагностики важно знать, что существуют некоторые индикаторы, которые могут указывать на наличие суицидального поведения.

Психологи выделили некоторые признаки и индикаторы суициального поведения: ситуационные, поведенческие, коммуникативные, когнитивные и эмоциональные (Пономарева, 2014, 143 стр.).

СITUационные факторы - это любые ситуации, которые воспринимаются человеком как кризис, например, развод, смерть близкого, домашнее насилие, потеря постоянного места работы, утрата жилья.

К поведенческим факторам относятся любые резкие изменения в поведении и/или настроении, которые могут отдалять от близких, отталкивать и разрушать отношения (, чрезмерное употребление алкогольной продукции, склонность к безрассудным и опасным поступкам, пренебрежение внешним видом)

К коммуникативным факторам относятся такие случаи, которые проявляются в общении с окружающим. Человек может говорить про свою беспомощность, жаловаться, высказывать самообвинения, а также прощаться.

Изменением когнитивного фактора, как мы уже обсуждали выше, является появление туннельного сознания, наличие суициальных мыслей, планов, видение мира только в негативном цвете.

И последним индикатором считают эмоциональный индикатор. Помимо амбивалентности по отношению к жизни сюда относят еще переживание горя, чрезмерные опасения, чувство вины, безразличие к себе и к будущему.

Кризис является значимым фактором, повышающим вероятность суициального поведения, поэтому его своевременное выявление и оценка имеют первостепенное значение для профилактики.

Оценить кризисное состояние могут такие методики как “переживание кризиса личностью”, методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения”, тест Люшера, “опросник травматического стресса”, “шкала осознанного выбора и самосознания, методика “дом-дерево-человек”, “рисунок несуществующего животного” и другие.

Центральное место в исследовании занимает анализ существующих психодиагностических методов, используемых для оценки суициального риска. Были рассмотрены различные типы методов, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

Клиническое интервью и сбор анамнеза являются неотъемлемой частью диагностического процесса. Они позволяют получить важную информацию об истории жизни человека, его текущем состоянии и факторах, способствующих суицидальному поведению. Особое внимание уделяется анализу пресуицидального синдрома, включающего сужение сознания, аффективные нарушения и конкретизацию планов суицида.

Существуют 2 типа опросников по оценке суицидального риска. К первой группе относятся методики с прямыми вопросами о наличии суицидальных тенденций, а ко второй группе - методики, связанные с определенными аспектами поведения и переживаний, сопутствующие суицидальному поведению и усиливающие его. Были рассмотрены структурированные опросники и шкалы, такие как опросник суицидального риска (OCP), CP-45, опросник суицидальных мыслей ("Adult Suicidal Ideation Questionnaire", ASIQ), шкала суицидальных мыслей Бека, "цель в жизни", "измерение уровня ауто- и гетероагgressии", госпитальная шкала тревоги и депрессии, опросник депрессивности А.Т. Бека позволяют получить количественную оценку различных аспектов суицидального риска, что облегчает мониторинг состояния пациента и оценку эффективности проводимой терапии. Однако, важно учитывать, что данные методы могут быть подвержены влиянию социальной желательности и не всегда отражают глубинные переживания человека.

Проективные методики, рисуночные тесты, предоставляют возможность исследовать скрытые аспекты личности, выявить неосознаваемые конфликты и мотивы. Интерпретация результатов требует высокой квалификации специалиста и может быть достаточно субъективной. Хорошей альтернативой может послужить методика психодиагностики суицидальных намерений (ПСН-1).

Психофизиологические методы, в частности экспресс-методика "Сигнал", направлены на объективную оценку психоэмоционального состояния и выявление паттернов реагирования, связанных с суицидальным риском. Однако, эти методы требуют специального оборудования и подготовки специалистов.

Проведенный анализ показал, что не существует универсального психодиагностического инструмента, который был бы одинаково эффективен для всех людей и во всех ситуациях. Оптимальным подходом

является использование комплекса методов, позволяющих получить разностороннюю информацию о состоянии пациента и факторах, способствующих суициdalному поведению.

В перспективе планируется проведение эмпирического исследования, направленного на адаптацию и валидизацию в русскоязычной выборке “Опросника экзистенциальной тревоги” (ECQ). Экзистенциальная тревога, проявляющаяся в осознании конечности существования, переживании бессмысленности и изоляции, рассматривается как важный фактор, способствующий возникновению суициальных мыслей и намерений. Адаптация и валидизация ECQ позволит получить новый инструмент для оценки суициального риска и разработать более эффективные стратегии профилактики и диагностики.

Список литературы:

1. Мещериков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 3-е изд., 2002.
2. Психологические аспекты профилактики аутоагрессивного поведения у обучающихся образовательных организаций: методическое пособие / сост.: В.В. Герасимова. – Казань ИРО РТ, 2015. – 56 с.
3. Руженков В. А., Лобов Г. А., Боева А. В. К вопросу об уточнении содержания понятия "аутоагрессивное поведение" //Научно-медицинский вестник центрального черноземья. – 2008. – №. 32. – С. 20-24.
4. Суициальные и несуициальные самоповреждения подростков / под ред. П.В. Зотова. – стер. изд. – Москва : ГЭОТАР-Медия, 2023. – 472 с.
5. Пономарева И. М. Работа психолога в кризисных службах: учебное пособие. — СПб.: СПбГИПСР, 2014. — 197 с.

References:

1. van Bruggen V., Klooster P., Westerhof G., Vos J., Kleine E., Bohlmeijer E., Glas G. The Existential Concerns Questionnaire (ECQ)–Development

and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical
and Clinical Sample // Journal of Clinical Psychology, 2017. 73(12)

Филатова Елена Геннадьевна,
ФГБОУ ВО «МГППУ» (г. Москва, Россия),
факультет «Экстремальной психологии»,
магистрант
e-mail: 77alenka@mail.ru
Filatova Elena Gennadievna,
Moscow State University of Psychology and
Education (Moscow, Russia), Faculty of Extreme
Psychology, Master's student

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АГРЕССИВНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и агрессивности у подростков. Выборку составили 40 учащихся в возрасте 14–16 лет. Использовались методики Д.В. Люсина, Н. Холла, Басса-Дарки и Бойко. Результаты корреляционного анализа подтвердили наличие обратной связи между уровнем эмоционального интеллекта и агрессивностью. Разработаны рекомендации для педагогов и родителей по развитию эмоциональной компетентности подростков.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, агрессивность, подростки, корреляционный анализ, профилактика, психологическое сопровождение.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between emotional intelligence and aggressiveness in adolescents. The sample consisted of 40 students aged 14–16 years. Methods by D.V. Lusin, N. Hall, Buss-Durkee and Boyko were used. Correlation analysis confirmed an inverse relationship between the level of emotional intelligence and aggressiveness. Recommendations for teachers and parents on the development of emotional competence in adolescents are proposed.

Keywords: emotional intelligence, aggressiveness, adolescents, correlation analysis, prevention, psychological support.

Введение

Подростковый возраст представляет собой критический период в развитии личности, характеризующийся интенсивными физиологическими, психологическими и социальными изменениями. В это время происходит формирование идентичности, системы ценностей и поведенческих паттернов, которые во многом определяют дальнейшую жизнь человека. Одной из наиболее актуальных проблем современной подростковой среды является повышенная агрессивность, которая проявляется в различных формах – от вербальной агрессии до физического насилия.

В последние десятилетия внимание исследователей все больше привлекает концепция эмоционального интеллекта (ЭИ) как фактора, способствующего успешной социальной адаптации и снижению девиантного поведения. Эмоциональный интеллект понимается как способность

распознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. Развитый ЭИ позволяет подросткам более эффективно справляться с стрессовыми ситуациями, конструктивно разрешать конфликты и устанавливать позитивные межличностные отношения.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых. Концепция эмоционального интеллекта была разработана П. Сэловеем и Дж. Мэйером, а затем популяризована Д. Гоулманом. В российской психологии значительный вклад в изучение ЭИ внесли Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков, И.Н. Андреева. Проблема агрессивности в подростковом возрасте исследовалась в работах А. Бандуры, Р. Бэрона, Л. Берковица, а также российских ученых – С.Н. Ениколопова, И.Б. Бойко.

Несмотря на значительное количество исследований в области эмоционального интеллекта и агрессивности, вопрос о их взаимосвязи в подростковом возрасте остается недостаточно изученным. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте профилактики девиантного поведения и создания благоприятной образовательной среды.

Цель исследования – анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и агрессивности в подростковом возрасте.

Гипотеза исследования: между эмоциональным интеллектом и уровнем агрессивности в подростковом возрасте существует обратная взаимосвязь: чем выше уровень развития эмоционального интеллекта, тем ниже уровень агрессивности подростка.

Методы

Выборка исследования состояла из 40 подростков (20 девушек и 20 юношей) в возрасте 14–16 лет, занимающихся в творческом объединении «Школа Лидера» на базе ГАУ ДО «Астраханский областной центр развития творчества». Средний возраст респондентов составил 15 лет.

Методический инструментарий включал:

1. **Опросник «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина** – предназначен для измерения представлений человека о своём эмоциональном интеллекте. Состоит из 46 утверждений, объединенных в 5 субшкал:

МП (понимание чужих эмоций), МУ (управление чужими эмоциями), ВП (понимание своих эмоций), ВУ (управление своими эмоциями), ВЭ (контроль экспрессии).

2. **Методика Н. Холла для оценки эмоционального интеллекта** – позволяет определить уровень ЭИ по пяти аспектам:

Эмоциональная осведомленность, Управление эмоциями, Самомотивация, Эмпатия, Распознавание эмоций других людей.

3. **Опросник Басса-Дарки** – предназначен для диагностики агрессивных и враждебных реакций. Включает 8 шкал:

Физическая агрессия, Косвенная агрессия, Раздражение, Негативизм, Обида, Подозрительность, Вербальная агрессия, Чувство вины.

4. **Методика Бойко для оценки коммуникативной агрессивности** – выявляет склонность к проявлению агрессии в

различных ситуациях межличностного общения. Включает 11 параметров, оценивающих различные аспекты агрессивного поведения.

Процедура исследования проводилась в марте 2025 года в групповой форме с соблюдением этических норм. Время проведения каждой методики составляло 40–45 минут.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Для выявления взаимосвязей между показателями использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ результатов исследования.

Результаты исследования эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина показали следующее распределение (Таблица 1):

Таблица 1. Результаты исследования эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина

Шкала	Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий
Понимание чужих эмоций	10%	22%	44%	18%	6%
Управление чужими эмоциями	17%	32%	42%	7%	2%
Понимание своих эмоций	16%	18%	43%	16%	7%
Управление своими эмоциями	12%	22%	48%	12%	6%
Контроль экспрессии	11%	22%	45%	16%	8%

Наибольшие трудности подростки испытывают в управлении чужими эмоциями – 49% респондентов показали низкий и очень низкий уровень по этой шкале. Наилучшие результаты наблюдаются в сфере управления своими эмоциями – 48% демонстрируют средний уровень развития этой способности.

Результаты по методике Н. Холла представлены в Таблице 2:

Таблица 2. Результаты исследования эмоционального интеллекта по методике Н. Холла

Шкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Эмоциональная осведомлённость	24%	54%	22%
Управление эмоциями	19%	64%	17%
Эмпатия	20%	58%	22%
Самомотивация	15%	55%	30%

Наибольшее развитие подростки показали в сфере самомотивации – 30% респондентов имеют высокий уровень. Наименее развитой оказалась эмоциональная осведомлённость – только 22% показали высокий уровень.

Результаты исследования по опроснику Басса-Дарки показали следующее распределение (Таблица 3):

Таблица 3. Результаты исследования агрессивности по опроснику Басса-Дарки

Шкала	Низкий уровень	Средний уровень	Повышенный уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Физическая агрессия	18%	30%	28%	16%	8%
Косвенная агрессия	22%	37%	24%	11%	6%
Раздражение	19%	36%	23%	12%	10%
Негативизм	24%	32%	26%	10%	8%
Обида	16%	34%	22%	16%	12%
Подозрительность	28%	28%	24%	12%	8%
Вербальная агрессия	24%	32%	26%	12%	6%
Чувство вины	31%	28%	17%	12%	12%

Наибольший уровень агрессивности наблюдается в сфере физической агрессии – 24% респондентов показали высокий и очень высокий уровень. Наименьший уровень агрессии отмечен в сфере подозрительности – только 20% продемонстрировали повышенный и высокий уровень.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые обратные связи между показателями эмоционального интеллекта и агрессивности ($p \leq 0,01$). Наиболее сильные корреляции представлены в Таблице 4:

Таблица 4. Значимые корреляционные связи между показателями ЭИ и агрессивности

Показатель ЭИ	Показатель агрессивности	Коэффициент корреляции
Понимание чужих эмоций	Верbalная агрессия	-0,806**
Управление чужими эмоциями	Верbalная агрессия	-0,847**
Понимание своих эмоций	Косвенная агрессия	-0,823**
Управление своими эмоциями	Негативизм	-0,811**
Контроль экспрессии	Верbalная агрессия	-0,773**
Самомотивация	Физическая агрессия	-0,761**
Эмпатия	Обида	-0,592**

** $p \leq 0,01$

Наибольшая обратная связь обнаружена между управлением чужими эмоциями и вербальной агрессией ($r = -0,847$), что свидетельствует о том, что подростки, способные эффективно управлять эмоциями других людей, менее склонны к вербальной агрессии.

Обсуждение результатов исследования.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии обратной связи между уровнем эмоционального интеллекта и агрессивностью у подростков. Полученные данные согласуются с результатами предыдущих исследований (Подгорная, 2017; Кучерова, 2018; Mambra et al., 2022), которые также выявили значимую связь между развитием эмоционального интеллекта и снижением агрессивного поведения.

Анализ результатов по методике Д.В. Люсина показал, что наибольшие трудности подростки испытывают в сфере управления чужими эмоциями. Это может быть связано с особенностями подросткового возраста, когда происходит формирование социальной компетентности и навыков межличностного взаимодействия. Низкая способность управлять эмоциями других людей может приводить к неэффективным стратегиям поведения в конфликтных ситуациях и повышению уровня агрессивности.

Результаты корреляционного анализа демонстрируют, что различные компоненты эмоционального интеллекта по-разному связаны с формами агрессивного поведения. Наиболее сильные связи обнаружены между вербальной агрессией и способностью управлять эмоциями других людей. Это свидетельствует о том, что развитие навыков эмоционального регулирования может быть эффективным средством профилактики вербальной агрессии.

Особый интерес представляет связь между самомотивацией и физической агрессией. Подростки с высоким уровнем самомотивации демонстрируют более низкий уровень физической агрессии, что может объясняться их способностью направлять энергию в конструктивное русло и достигать целей без использования агрессивных методов.

Выявленные взаимосвязи имеют важное практическое значение для разработки программ профилактики агрессивного поведения. Развитие эмоционального интеллекта, особенно таких его компонентов как управление эмоциями и эмпатия, может способствовать снижению уровня агрессивности и улучшению социальной адаптации подростков.

Выводы.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Подтверждена гипотеза о наличии обратной связи между уровнем эмоционального интеллекта и агрессивностью у подростков. Чем выше уровень развития эмоционального интеллекта, тем ниже уровень агрессивности.

2. Наиболее сильные корреляционные связи обнаружены между вербальной агрессией и способностью управлять эмоциями других людей ($r = -0,847$), а также между косвенной агрессией и пониманием своих эмоций ($r = -0,823$).

3. Наибольшие трудности подростки испытывают в сфере управления чужими эмоциями – 49% респондентов показали низкий и очень низкий уровень развития этой способности.

4. Наименее развитым компонентом эмоционального интеллекта оказалась эмоциональная осведомлённость – только 22% подростков демонстрируют высокий уровень.

5. Наибольший уровень агрессивности наблюдается в сфере физической агрессии – 24% респондентов показали высокий и очень высокий уровень.

Практические рекомендации:

На основе результатов исследования разработаны рекомендации для педагогов и родителей:

1. Внедрение программ развития эмоционального интеллекта в образовательный процесс, включающих тренинг распознавания и управления эмоциями.

2. Проведение регулярных занятий по развитию эмпатии и навыков межличностного общения.

3. Создание безопасной психологической среды, способствующей открытому выражению эмоций и их обсуждению.

4. Индивидуальная работа с подростками, демонстрирующими высокий уровень агрессивности и низкий уровень эмоционального интеллекта.

5. Просветительская работа с родителями и педагогами по вопросам развития эмоциональной компетентности подростков.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении эффективности конкретных программ развития эмоционального интеллекта для снижения агрессивности, а также в исследовании половых и возрастных особенностей выявленных взаимосвязей.

Список литературы

1. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29-36.

2. Подгорная А.В. Особенности эмоционального интеллекта у подростков с разным уровнем агрессии // Проблема личности в общей, социальной и клинической психологии. Белгород: издательский дом «Белгород», 2017. С. 112-118.

3. Кучерова И.Г. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и агрессивности в подростковом возрасте // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2018. № 5 (21). С. 32-35.

4. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // Emotion Review. 2016. Vol. 8. № 4. P. 290-300.

5. Mambra A.A., Abdul Jaleel Kuzhiyengal, Kotian, Suphala. Systematic Review on Adolescents' Emotional Intelligence and Aggressive Behaviour // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS). 2022. Vol. 7. № 1. P. 484-503.

6. Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 24. P. 5079.

7. Buss A.H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility // Journal of Consulting Psychology. 1957. Vol. 21. P. 343-349.

References:

1. Lusin D.V. Modern ideas about emotional intelligence. In: Social intelligence: Theory, measurement, research / Ed. by D.V. Lusin, D.V. Ushakov. M.: Institute of Psychology RAS, 2004. P. 29-36.
2. Podgornaya A.V. Features of emotional intelligence in adolescents with different levels of aggression. In: Personality problems in general, social and clinical psychology. Belgorod: Belgorod Publishing House, 2017. P. 112-118.
3. Kucherova I.G. Relationship between emotional intelligence and aggressiveness in adolescence. SKIF. Student Science Issues. 2018. No. 5 (21). P. 32-35.
4. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. Emotion Review. 2016. Vol. 8. No. 4. P. 290-300.
5. Mambra A.A., Abdul Jaleel Kuzhiyengal, Kotian, Suphala. Systematic Review on Adolescents' Emotional Intelligence and Aggressive Behaviour. International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS). 2022. Vol. 7. No. 1. P. 484-503.
6. Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. No. 24. P. 5079.
7. Buss A.H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. Journal of Consulting Psychology. 1957. Vol. 21. P. 343-349.

Ширякова Ирина Геннадьевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант 2 курса факультета «Экстремальная психология» кафедры научных основ экстремальной психологии
e-mail: irinashig67@gmail.com

Shiryakova Irina Gennadievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), 2nd year
Master's student of the Faculty of Extreme Psychology of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AS ONE OF THE FACTORS OF DEVELOPING CREATIVE ABILITIES OF PRESCHOOLERS AND YOUNGER STUDENTS

Аннотация. В работе исследуется влияние психологического благополучия на творческие способности детей дошкольного и младшего школьного возраста. Рассматривается взаимосвязь эмоционального состояния и креативности в ключевые периоды формирования личности. Анализируются когнитивные, аффективные и социально-психологические аспекты развития креативности, опираясь на работы отечественных и зарубежных исследований.

Abstract. The paper examines the influence of psychological well-being on the creative abilities of preschool and primary school age children. The interrelation of emotional state and creativity in key periods of personality formation is considered. The cognitive, affective and socio-psychological aspects of the development of creativity are analyzed, based on the work of domestic and foreign studies.

Ключевые слова: психологическое благополучие, творческие способности, взаимосвязь эмоционального состояния, социально-психологические аспекты, развитие креативности.

Keywords: psychological well-being, creativity, interrelation of emotional state, socio-psychological aspects, development of creativity.

Современные условия развития общества предъявляют повышенные требования к психологическому благополучию детей, которое выступает основой для их гармоничного развития, включая творческий потенциал. В дошкольном и младшем школьном возрасте формируются ключевые личностные и когнитивные структуры, что делает изучение взаимосвязи психологического благополучия и творческих способностей особенно значимым для психолого-педагогического сопровождения.

Изучение творческих способностей в дошкольном и младшем школьном возрасте получило освещение в работах как зарубежных авторов, так и отечественных исследователей. Классические основания заложены в трудах Л.С. Выготского, акцентировавшего роль социокультурного контекста и воображения в развитии детского творчества. Дж. Гилфорд и Э.П. Торренс внесли вклад в понимание структуры креативности, разработав концепции дивергентного мышления и диагностические инструменты. Г. Гарднер, в рамках теории множественного интеллекта, расширил представления о вариативности творческих проявлений, связывая их с различными типами интеллекта.

Экспериментальные исследования Э. Виннер позволили выявить связь между ранней одаренностью, когнитивной гибкостью и творческими достижениями. В отечественной психологии особо значимыми являются работы В.Н. Дружинина (анализ креативности как системного свойства), М.В. Осориной (изучение роли игры и сказки в развитии воображения), А.М. Матюшкина (проблемно-поисковые методы активизации творческого мышления).

Развитие творческих способностей в дошкольном и младшем школьном возрасте представляет собой феномен, синтезирующий когнитивные, аффективные и социально-психологические компоненты функционирования личности. Творческие способности, согласно Дж. Гилфорду: «отождествляются с дивергентным мышлением: способностью генерировать множественные альтернативные идеи в условиях отсутствия регламентированных алгоритмов» [25].

Критерием дивергентного процесса выступает вариативность решений при сохранении их концептуальной релевантности объекту познания, что подчёркивает неразрывную связь между когнитивной гибкостью и творческим потенциалом.

Согласно концептуальным моделям Е.П. Торренса и Дж. Гилфорда: «базис креативности формируется триадой взаимосвязанных компонентов: оригинальность — способность продуцировать идеи, отклоняющиеся от общепринятых шаблонов; гибкость — вариативность подходов к решению задач; беглость — продуктивность мыслительной деятельности в единицу времени» [12; 25].

Эти компоненты катализируются воображением как когнитивным механизмом трансформации внутренних презентаций, обеспечивающим генерацию принципиально новых смысловых конструктов. В детском возрасте творчество приобретает специфические характеристики, детерминированные

возрастной динамикой психического онтогенеза. По мнению Л.С. Выготского, спонтанность познавательной активности, реализуемая через игровые формы деятельности, создаёт естественную основу для формирования «творческого метаболизма» — способности к постоянной рекомбинации элементов опыта [9].

Особенностью детской креативности выступает аутохтонность, что значит, доминирование имманентной познавательной мотивации над внешними прагматическими целями. Это обуславливает её качественное отличие от формализованных интеллектуальных операций, где результат жёстко детерминирован алгоритмами. Диагностика творческих способностей в данном возрастном периоде требует учёта данной специфики через применение методов, фиксирующих не только когнитивные показатели: оригинальность, беглость, но и эмоционально-мотивационные компоненты: устойчивость интереса, толерантность к неопределённости. Факторы формирования креативности включают как эндогенные предпосылки: индивидуальные особенности нервной системы, уровень развития воображения, так и экзогенные условия: обогащённая стимулами среда, поддерживающий стиль воспитания. Интеграция всех элементов в единую систему создаёт предпосылки для трансформации потенциала в актуальные творческие достижения [7; 19].

По мнению Е.П. Торренса: «определив творчество как процесс, можно ставить вопросы о том, какого типа личностью надо быть, чтобы реализовать такой процесс, какая среда ему способствует и какой продукт получается в результате успешного завершения этого процесса» [14].

Согласно концепции Л.С. Выготского, воображение возникает в результате интериоризации культурных средств и социального взаимодействия, становясь механизмом трансформации реальности через создание «воображаемых ситуаций», «спонтанность и игровой характер детской деятельности создают естественную основу для проявления креативности, что отличает её от формализованных интеллектуальных операций». Эта идея получила развитие в работах О.М. Дьяченко, разработавшей диагностические методики, такие как «дорисовывание фигур», позволяющие оценить креативность дошкольников через анализ оригинальности и вариативности графических решений. [32, 19, 17].

Психологическое благополучие, как многокомпонентный конструкт, требует учета возрастной специфики. Для дошкольников, согласно трудам Г.М. Бреслава и Л.С. Выготского, критически важными являются физическое здоровье (режим сна, отсутствие травм и нарушений питания), полноценность игровой деятельности, эмоциональная стабильность и позитивные отношения с родителями. Игра, будучи ведущей деятельностью в этом возрасте, служит не только основой для развития креативности, но и индикатором благополучия: снижение её разнообразия, подавление взрослыми или отсутствие ресурсов для реализации игровых сценариев могут свидетельствовать о внутреннем неблагополучии. Эмоциональная сфера

оценивается через частоту негативных реакций: обид, страхов, тревожности, а также через формирование позитивного самоотношения [5, 9].

У младших школьников акцент смещается на адаптацию к учебной среде. По данным О.В. Хухлаевой, ключевыми критериями становятся социометрический статус в классе, характер взаимодействия с учителем, устойчивость самооценки и эмоциональный фон. Тревожность и страхи, сохраняющие роль маркеров неблагополучия, часто связаны с академическими нагрузками и социальной конкуренцией. При этом сохранение креативности в этом возрасте зависит от способности ребенка интегрировать спонтанность мышления в структурированные формы деятельности, что требует поддержки со стороны образовательной среды [38].

Специфика творчества в дошкольном и младшем школьном возрасте раскрывается через призму ведущих видов деятельности. А.А. Люблинская выделила, что у дошкольников креативные процессы неотделимы от сюжетно-ролевой игры, где воображение выполняет функцию моделирования социальных отношений. В младшем школьном возрасте, согласно О.М. Дьяченко, происходит переход к более структуризованным формам творчества, опосредованным учебной деятельностью, но сохраняется значимость импровизации и экспериментирования [28, 19].

Символическое мышление в генезисе детской креативности Л.С. Выготский рассматривал как основу для замещения реальных объектов воображаемыми образами, что создаёт предпосылки для художественного и вербального творчества. Работы Багаутдиновой Р.Р., выделяют мысль, о том, что использование нетрадиционных техник рисования активизирует не только когнитивную гибкость, но и эмоциональную вовлечённость, формируя целостную систему творческого самовыражения [32, 7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Сохранение возрастной одаренности зависит от комплексного подхода, учитывающего не только когнитивные, но и эмоционально-социальные аспекты развития ребенка.

Развитие творческих способностей у детей дошкольного и младшего школьного возраста требует сочетания классических педагогических подходов и инновационных технологий, ориентированных на активизацию когнитивной гибкости и эмоциональной вовлечённости.

Семейная система играет критическую роль в формировании установок на креативность: демократический стиль воспитания, поощряющий самостоятельность и инициативу, создаёт условия для экспериментирования, тогда как авторитарные паттерны подавляют спонтанность через страх ошибки. Образовательная среда способна нивелировать или усилить влияние семейных факторов за счёт внедрения методов, активизирующих

нестандартное мышление, использования нетрадиционных художественных техник или открытых задач с множеством решений.

Список литературы:

1. Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве. М., 1990. – 126 с.
2. Варавина Л. А., Киселева Т. Г. Динамика развития творческих способностей //Трибуна ученого. – 2021. – №. 1. – С. 672-675.
3. Выготский Л.С. К вопросу о динамике детского характера. В кн. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. - М.: Педагогика, 1983. – 186 с.
4. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебное пособие / В. Н. Дружинин. — М.: ИНФРА-М, 2023. — 256 с. URL: https://vk.com/doc95378518_478554919?hash=VaE2s3OO0jY3n8UScATCRwJknekK2ywdi4FoqLq7afk (дата обращения: 25.02.2025).
5. Дунчев В.Н. Исследование когнитивных стилей в связи с креативностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук / В.Н. Дунчев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lichnostnye-ikognitivnye-aspekyt-kreativnosti> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Козлова Е. Г. Ранние предикторы психологического благополучия детей: лонгитюдное исследование: диссертация кандидата наук. 19.00.13 — Психология развития, акмеология / Е. Г. Козлова. — ПИ РАО, 2018. — 185 с.
7. Максимова А. С. К вопросу о методиках исследования уровня развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста // Бюллетень науки и практики. — 2016. — № 9. — С. 256–259. URL: <http://www.bulletennauki.co> (дата обращения: 25.02.2025).
8. Рябкова И. А., Львова Н. В. От игры к игривости: к вопросу о психологическом благополучии ребенка //Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Т. 32. – №. 4. – С. 10-31.
9. Сычев О. А., Гордеева Т. О., Лункина М. В., Осин Е. Н., Сиднева А. Н.. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование, 2018. №6.
10. Шайхулисламова, К. А. Развитие творческих способностей у детей младшего школьного возраста / К. А. Шайхулисламова // материалы Международной научно-практической конференции, Грозный: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2022. – С. 435-441.

References:

1. Breslav G.M. Emotional features of personality formation in childhood, Moscow, 1990, 126 p.
2. Varavina L. A., Kiseleva T. G. Dynamics of creative abilities development //Tribune of the Scientist. – 2021. – №. 1. – Pp. 672-675.
3. Vygotsky L.S. On the dynamics of children's character. In the book. Collected works: In 6 volumes. Vol. 5. Fundamentals of defectology. - M.: Pedagogika, 1983. – 186 p.

4. Druzhinin V. N. Experimental psychology: a textbook / V. N. Druzhinin. Moscow: INFRA—M, 2023. 256 p. URL: https://vk.com/doc95378518_478554919?hash=VaE2s3OO0jY3n8UScATCRwJknekK2ywdi4FoqLq7afk (accessed: 02/25/2025).

5. Dunchev V.N. Research of cognitive styles in connection with creativity: abstract of the dissertation. ... kand. Psychological Sciences / V.N. Dunchev [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.dissercat.com/content/lichnostnye-ikognitivnye-aspekte-kreativnosti> (date of request: 02/20/2025).

6. Kozlova E. G. Early predictors of psychological well-being of children: a longitudinal study: dissertation of the Candidate of Sciences. 19.00.13 — Psychology of development, acmeology / E. G. Kozlova. — PI RAO, 2018. 185 p.

7. Maksimova A. S. On the issue of methods for studying the level of development of creative abilities of older preschool children // Bulletin of Science and Practice. - 2016. — No. 9. — pp. 256-259. URL: <http://www.bulletennauki.co> (date of request: 02/25/2025).

8. Ryabkova I. A., Lvova N. V. From play to playfulness: on the issue of a child's psychological well-being //Counseling psychology and psychotherapy. — 2024. — Vol. 32. — No. 4. — pp. 10-31.

9. Sychev O. A., Gordeeva T. O., Lunkina M. V., Osin E. N., Sidneva A. N. Multidimensional scale of life satisfaction of schoolchildren // Psychological science and education, 2018. №6.

10. Shaikhulislamova, K. A. The development of creative abilities in children of primary school age / K. A. Shaikhulislamova // Proceedings of the International Scientific and practical Conference, Grozny: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", 2022. – pp. 435-441.

Юров Игорь Александрович,

Сочинский государственный университет

(г. Сочи, Россия), доцент кафедры психологии и дефектологии, кандидат психологических наук

e-mail sov36@mail.ru

Yurov Igor Aleksandrovich,

Sochi State University (Sochi, Russia), Associate Professor of the Department of Psychology and Defectology, Candidate of Psychological Sciences

e-mail sov36@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И ПОДГОТОВКА ДОБРОВОЛЬЦЕВ И ПРИЗЫВНИКОВ В ПЕРИОД СВО

PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE AND TRAINING OF VOLUNTEERS AND CONSCRIPTS DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Аннотация. Добровольцам и призывникам в период проведения СВО необходима социально-психологическая подготовка, состоящая из психолого-педагогических форм и методов с целью создания уверенности и надежности в выполнении воинского долга. Выявлены три типа поведения: оптимистически-карьеристский, pragmatической и эмотивно-лабильный типы. Для каждого типа установлены специфические копинг-стратегии перед и во время подготовки к выполнению предстоящей воинской деятельности.

Ключевые слова: добровольцы, призывники, подготовка, копинг-стратегии, ПТСР

Abstract. During the special military operation, volunteers and conscripts need social and psychological training, which consists of psychological and pedagogical forms and methods, in order to create confidence and reliability in fulfilling their military duty. Three types of behavior have been identified: optimistic-career-oriented, pragmatic, and emotionally-labile. For each type, specific coping strategies have been established before and during the preparation for the upcoming military activity.

Keywords: volunteers, conscripts, training, coping strategies, PTSD

Экстремальная психология изучает поведение, динамику когнитивных процессов и состояний человека в ситуациях, угрожающих его благополучию, нарушающих привычный ритм жизни и вызывающих психическое расстройство в виде страха, тревоги или даже паники. Непредсказуемость и повышенная неопределенности предстоящей деятельности могут проявиться в виде реакций стресса, депрессий и ПТСР.

Стресс – это затяжное напряжение, при котором организм остается в состоянии готовности к угрозе даже после ее исчезновения. Хронический стресс истощает ресурсы тела и разума, вызывая бессонницу, усталость, проблемы с концентрацией, а также повышает риск психосоматических заболеваний.

Депрессия–психическое расстройство, основными признаками которого являются снижение концентрации внимания, трудности в принятии решений, сниженные самооценка и способности получать удовольствие, пессимизм, неадекватное чувство вины, повышение сердечного ритма и артериального давления, подготовка организма к «борьбе или бегству» [2].

Психологическая помощь и подготовка добровольцев и призывников к предстоящей военно-специфической деятельности – это специальный комплекс психолого-педагогических форм, методов и методик с целью создания уверенности и надежности в выполнении военной деятельности в период проведения СВО. Сама подготовка связана с неопределенностью выполнения воинских мероприятий по защите своей Родины и может сопровождаться посттравматическим стрессовым расстройством.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это психическое расстройство, возникающее у людей, переживших или ставших свидетелями тяжелых травматических событий (война, насилие, катастрофы, несчастные случаи или регулирования сложных эмоций и поведенческих реакций в стрессовых условиях.

Участие военнослужащих в специальной военной операции (СВО) может сопровождаться ПТСР, при котором человек испытывает повторяющиеся навязчивые воспоминания о травме,очные кошмары, флешбэки, повышенную тревожность, раздражительность, вину и депрессию. Возможное участие в СВО может привести к стрессовому расстройству [3].

Копинг-стратегия в психологии — это способы адаптироваться к стрессовой ситуации, иными словами, это реакция на стресс, выраженная через мысли, чувства и действия. Это может сопровождаться резкими соматическими, физиологическими, психофизиологическими и психологическими изменениями, приводящими к посттравматическим стрессовым расстройствам (ПТСР), т.е. к психическому заболеванию, возникающему у людей, переживших или ставших свидетелями тяжелых травматических событий (война, насилие, несчастные случаи) [5].

К социально-психологическим средствам относится психотерапия [2].

В числе кандидатов на подписание военного договора выявлены три группы отношений к будущей деятельности. Первая группа – это кандидаты с твердой патриотической установкой, «кто как не мы», там нашим ребятам приходится трудно, надо помочь, выполнить свой воинский долг, т.к. принимали присягу, на нашу Родину напал враг (после 6 августа 2024 г.). Психологическое состояние: устойчивое, рационально-практическое, уверенное в своем поведении.

Копинг-стратегии для этой группы добровольцев:

1.Физкультурный тренинг (привести к необходимым физическим кондициям – сила, выносливость, ловкость, гибкость), крайне необходимым для выполнения воинской деятельности. 2. Поддержание контакта с семьей, родственниками (необходима морально-нравственная поддержка). 3. Психологический настрой к выполнению требований командиров.4. Психологическая защита от переживаний мнимой или реальной опасности для здоровья и благополучия.

Вторая группа – это кандидаты с прагматической направленностью (закрыть кредит, погасить ипотеку, купить автомобиль, мебель, бытовые приборы).

Психологическое состояние: Имеет место ощущение внутренней напряженности, выражющееся в переживаниях напряжения, настороженности, некоторой тревоги.

Копинг-стратегии для этой группы добровольцев:

1.Аутотренинг (самовнушение о благополучной командировке). 2. Уточнение всех своих обязанностей и путей их выполнения. 3.Рациональная психотерапия. 4. Быстрое вхождение в воинский коллектив и установление дружеских отношений.

Третья группа – кандидаты с неустойчивой установкой на прохождение воинской службы (борьба мотивов между воинским долгом и решением материальных проблем). Психологическое состояние: неустойчивое, флюктуирующее, могут проявлять браваду, а могут и тревогу, некоторые элементы депрессии.

Копинг-стратегии для этой группы добровольцев: 1. Вытеснение негативных состояний. 2. Упор на оптимистическое настроение. 3. Поддерживающие факторы со стороны семьи, родственников (телефонные звонки, передачи, встречи). 4.Симптомокомплексная психотерапия.

Среди призывников на срочную службу также выявлены три группы отношений к будущей службе. Первая группа – будущие срочники с твердым желанием служить в рядах ВС РФ («мой отец сжил, и я буду служить»), (выполнять Устав), (требования командиров), с некоторой прагматической направленностью («получить права на управление грузовым автотранспортом»), «получить права на службу в МВД, Росгвардию, ОМОН»), («получить льготы на поступление в гражданские ВУЗы и ВУЗы МВД, Пограничные училища, МЧС»). Уверены в своих планах, считают себя самостоятельными, завышен уровень притязаний, демонстрируют волевые качества. Хорошие отношения с родственниками, получают от них социально-психологическую поддержку.

Копинг-стратегии для этой группы призывников: 1. Сформировать адекватные уровни притязаний и ожиданий. 2. Советы и рекомендации отслуживших срочную службу в армии. 3. Самосовершествование физической кондиции. 4. Аутотренинг.

Вторая группа – будущие срочники с несформированшейся четкой установкой на службу в армии («раз надо, то буду служить», «уклоняться от службы не буду», «чем раньше, тем лучше», «не хочу подводить родителей»),

«жениться буду только после службы»). Проявляют сомнение, некоторое беспокойство, не ярко выраженные волевые качества. Сильно зависят от семьи.

Копинг-стратегии для этой группы призывников: 1. Формирование волевых качеств. 2. Выработать план действий в армейской среде. 3. Подготовить предварительный сценарий жизни после срочной службы. 4. Организовать физическую пои предвоенную подготовку перед службой (зарядка, кроссы, стрельба в тире, разборка-сборка оружия).

Третья группа— будущие срочники не проявляющие особого желания проходить службу («мне восемнадцать лет, лучше служить в двадцать лет», «у меня еще нет профессионального образования», «мои друзья учатся в колледже, их не призывают» У них выражены тревога, беспокойство, волнение, неуверенность, плохо скрывая депрессия. К сожалению, семья не может оказать положительное влияние на сына.

Копинг-стратегии для этой группы призывников: 1. Рациональная психотерапия. 2. Беседы с офицерами в военкомате. 3. Вытеснение неблагоприятных состояний. 4. Позитивный настрой на службу в армии. 5. Консультации у авторитетных людей, лидеров общественного мнения. 6. Активная арттерапия (фильмы о войне, о службе в армии (например, «Максим Перепелица»), туристические походы, экскурсии в Музей Славы и т.п.). 7. Музыкальная психотерапия [4].

Выводы. Выявлены три типа поведения: оптимистически-карьеристский, прагматической и эмотивно-лабильный типы. Для каждого типа установлены специфические копинг-стратегии перед и во время подготовки к выполнению воинского долга. Копинг-стратегии и психотерапевтические методы в условиях ПТСР имеют большое значение для владения собой в стрессогенной ситуации и в социальной деятельности.

Список литературы:

1. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
2. Павлова Е.В. Психология экстремальных ситуаций и состояний: Учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 198 с.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – 272 с.
4. Юров И.А. Психология человека: индивид, личность, субъект, индивидуальность. М.: РУСАЙНС, 2023. – 358 с.
5. Folkman, S.; Lazarus, R. S. Coping as a mediator of emotion // Journal of Personality and Social Psychology : journal. — 1988. — Vol. 54, no. 3. — P. 466—475.

References:

1. Karvasarsky B.D. Psychotherapy. SPb.: Peter, 2002. – 304 p.
2. Pavlova E.V. Psychology of extreme situations and states: Educational and methodological manual. Blagoveshchensk: Publishing house of AmU, 2014. – 198 p.

3. Tarabrina N.V. Practicum on the psychology of post-traumatic stress. – SPb: Peter, 2001. – 272 p.
4. Yurov, I.A. Human Psychology: Individual, Personality, Subject, and Individuality. Moscow: RUSAYNS, 2023. 358 p.
5. Folkman, S.; Lazarus, R. S. Coping as a mediator of emotion) // Journal of Personality and Social Psychology : journal. — 1988. — Vol. 54, no. 3. — P. 466—475.